

Сценарий

Н.Черняк

© Н.Черняк 2003
tcherniak.n@gmail.com

17:34

— Как долетел?

— Ничего. В Париже дождь второй день. А как здесь с погодой?

— Прекрасно. Днем жара, но к вечеру прохладнее. Обещают, что дождя не будет.

— Площадку сделали?

— Заканчивают сцену. Доедем до гостиницы, можешь передохнуть. И часов в пять начнем гонять аппарат.

— Звук-то сделаем?

— Должны. Получился амфитеатр, с трех сторон окруженный домами. Они стоят на достаточном расстоянии от сцены и ската холма. Нам монтируют летний театр на две тысячи мест и боковые ложи, если это можно так назвать. Вокруг концерта такой шум — мэр ежедневно приезжает на стройку.

— Зачем?

— Сам знаешь, они давно хотят свой кинофестиваль реанимировать. И тут ты приезжаешь в жюри, даешь концерт, и еще, поговаривают, собираешься снимать новый фильм. Такой шанс упускать нельзя. Будут тебя ублажать изо всех сил. Боюсь, дело может дойти до памятника при жизни. Билеты распроданы, цены невероятные. Меньше двух с половиной тысяч франков вообще ничего не было.

— Занятно. Расскажи еще о площадке.

— Что бы не получилось, такой возможности поиграть в городе у нас еще не было. Дома стоят вокруг холма со срезанной верхушкой, но не вплотную, между ними и холмом полоса деревьев, у подножья — сцена, и дальше поднимаются ряды мест. Склон гнутый, как амфитеатр, и пространство кажется замкнутым из-за стены деревьев и домов. Акустика отличная, и смотрится всё очень хорошо. Если сможем снять сверху, может выйти приличная картинка. Удалось даже всё подходы перекрыть, всё изолированно — можно спокойно репетировать. Из домов ничего не видно, мешают деревья. Но слышно далеко.

— Хорошо. Далеко от гостиницы?

— Минут двадцать на машине, если нет пробок.

— Город пыльный.

— Давно не было дождей, говорят.

— И зелени мало.

— Даже по сравнению с Парижем.

— Что еще мне надо знать?

— Если я правильно все понял, Марк, тебе будут предлагать денег на новый фильм.

— Ты уверен?

— Мне неоднократно прозрачно намекнули. И всячески пытаются выяснить сумму, от которой мы не сможем отказаться.

— И что ты думаешь, стоит брать?

— Надо еще посмотреть, кто будет предлагать. В любом случае, всегда можно вежливо сказать, что снимать ты пока не собираешься. Но люди здесь очень странные. Это, конечно, не фильмы про русскую мафию, но у них свои законы и своя жизнь. С ними надо быть очень аккуратными. Судя по разговорам переводчиков, денег будет как грязи, потому что через это здесь можно много отмыть.

— Они уже наверняка напечатали интервью про то, что я дам один концерт, дальше музыка будет делаться только к фильму, снимать который начну, как только найду денег. Неудачно вышло.

— Действительно неудачно. Но кто мог знать? Впрочем, это все ерунда...

— Только не говори мне, что есть еще какие-то проблемы.

— Проблема у меня как у директора только одна — ты.

— Фил, ну что тебя теперь-то беспокоит? Наконец я свободный человек. И что бы тут не выкинул, по возвращении никто не устроит скандала. Три года — вполне достаточный срок совместной жизни, и я очень рад, что меня оставили в покое. Можно жить, не оглядываясь на то, как это воспримет Мари. Она ушла — одной проблемой стало меньше. Если они здесь так со мной носятся, никто не захочет скандала: у людей искусства предполагается наличие слабостей. Я могу себе позволить легкий гастрольный роман, не опасаясь истерик, журналистов, публичных скандалов и прочей ерунды.

— Все как всегда! Ты как будто забыл, чем закончился твой последний гастрольный роман.

— Почему забыл, я вспоминаю об этом четыре раза в день, когда пью таблетки.

— Вот и пей их спокойно, как раз еще две недели курс. Мне в этом городе не нравится. Можешь считать меня шовинистом, но Москва — это тебе не Европа, я даже не знаю на какие неприятности можно нарваться, просто сняв девочку на ночь.

— И что ты мне предлагаешь?

— Я тебе предлагаю работать две недели. В конце концов, если действительно возьмем денег на фильм, то в этом городе ты не в последний раз. Хотя, мои уговоры как всегда бесполезны, ты не выдержишь две недели...

— Твои хитрости шиты белыми нитками. Теперь я, наверное, должен все бросить на то, чтобы убедить тебя в своей надежности? Конечно, я продержусь. Не бойся. Я просто хотел тебя позлить. У меня нет желания проводить очередной эксперимент. Женщины везде одинаковы, хотя и везде хороши.

— Шутник... Ладно, пошли кинем вещи и посмотришь, что нам построили.

— Остальные где?

— Катаются по городу, приедут прямо на репетицию. Между прочим, все решили оказать тебе поддержку, сочувствуют, говорят, настроения нет никого "снимать", Марк-то наверняка не с нами в этот раз. Пока настроение не появится — будут разумными. Тоже шутники.

— Вот она — настоящая мужская дружба. Один ты ругаешься и скучаешь по жене.

— Почему же, я тоже волнуюсь, как ты протянешь еще две недели. Наверняка найдешь, чем себя развлечь. А уж тут вообще неизвестно, куда тебя понесет.

— Не делай из меня маньяка, кто-кто, а ты знаешь, что чем проще относишься к чему-то, тем легче отказаться.

— Я-то знаю, но ты всегда меня пытаешься разубедить. И я боюсь, что ты отказаться-то откажешься, но придумаешь себе развлечение похлеще, чем девочек "снимать".

— Времени нет придумывать: концерт, фестиваль, деньги на фильм, да еще и врачи, лекарства, и ты все время сторожишь. Тут не развернешься.

— Тогда для меня все складывается идеально. А ты когда-нибудь нарвешься на проблемы, из которых даже я тебя вытащить не смогу.

— Не нарвусь. Даже ты не будешь спорить, что большинство людей живут машинально, не задумываясь над тем, что с ними происходит. Тех, кто живет иначе

— единицы. Женщины такие, наверное, тоже встречаются, но их половина от этого

ничтожного количества. Вероятность встречи с ними равна нулю. Неприятности-то могут исходить только от таких. Остальные, не задумываясь, согласятся на любое приключение, да еще и благодарить меня будут.

— Ты все-таки иногда омерзителен в своем цинизме.

— Я омерзителен, потому что ты знаешь, что я прав.

— Я бы не смог жить так, как ты.

— Тебе просто повезло, ты нашел человека, который не живет на автомате. А мне не повезло — я слишком хорошо знаю, что жить стоит только с такими, я с такими людьми вырос, и других не видел. Остальные — куклы.... просто смешно на них тратить жизненные силы.

— Тем более! Раз в жизни не создавай себе проблем, если это для тебя настолько несущественно.

— Глупо отказывать себе в удовольствиях. С какой стати?

— Я тебе все уже сказал.

— Не волнуйся, постараюсь быть благоразумным.

— Верится с трудом, но я буду тебе очень благодарен, если сможешь.....

19:24

— Ты меня пугаешь. Настолько, что я даже готов тебе об этом сказать, хотя стараюсь не лезть с советами, которые все равно не нужны. Прошло, в конце концов, пять лет. Может быть, тебе пора уже как-то по-другому устроить свою жизнь? Одиночество тебе явно не на пользу: выглядишь хорошо, но характер хуже, чем был в восьмом классе.

— Борис Михайлович, неужели вы еще помните, какой у меня тогда был характер?

— Кремень.

— Может быть, но на вас не действовал. Кто меня чуть из школы не исключил?

— А что мне было делать? Кто еще мог себе позволить сказать при всех классному руководителю, что он идиот и самодур? И только потому, что я всего лишь настаивал на школьной форме.

— Конечно, идиот и самодур. Чем вам мешали мои джинсы?

— Балда, мне не джинсы мешали, а твои мини-юбки. Как прикажешь изучать интегралы, когда перед тобой такие ноги.

— Надо было так и сказать.

— Как ты себе это представляешь? Работая в школе второй год, получить классное руководство, и начать с признания того, что у тебя прекрасные ноги? Мне вполне могли пришить совращение малолетних. Не говоря уж о том, что вы бы мне этого не забыли. Мало ли что можно и надо было сказать прямо. Не сказал, значит не надо.

— Как на моем дне рождения через год после школы? Тоже "не сказал — значит не надо"?

— Не сказал, но тогда я точно был идиот. Правда, не самодур. Надо было выпить на брудершафт, перейти, наконец, на "ты" и в тот же вечер сделать тебе предложение. Уж и не помню, как и почему я тогда ушел вместе со всеми, но когда опомнился — часа через два, уже было поздно возвращаться — развилка пройдена...

— Я тогда рыдала дня три. Даже если бы вы вернулись, я бы дверь не открыла. Когда через полгода вы на Марине женились, мне весь класс по очереди звонил и спрашивал: как же так? ты что ему отказала? на нем всегда было написано, что он только о тебе думает, и он женится на другой!... Даже ответить было нечего, сама ничего не понимала. Если бы вы тогда решились что-то сказать, я бы не смогла отказать. А жизнь взяла и свернула совсем в другую сторону. И хорошо, что все так

вышло, иначе пришлось бы понимать годами, что другим не хозяйка, а так все за один раз. И всего-то три дня слез. Зато теперь вашей Сашке уже восемь, и она чудесная.

— Мне иногда страшно становится, насколько она на тебя похожа. Характером, поведением, даже выражением лица. Я думал, что выдаю желаемое за действительное. А Марина мне недавно говорит: знаешь, я чуть тебя не убила, когда ты ее так назвал, а теперь вижу, что она действительно, как будто твоей Сашке младшая сестра.

— Марина что, ревновала ко мне?

— Оказалось, что да.

— Мне она ни разу и вида не подала. И никто меня так не выхаживал, как она, когда Саша погиб. А, может, она просто боялась, что я буду утешения искать не там, где надо?

— Злая ты на язык стала, совсем старая дева.

— Почему злая? Если она понимала, кто как к кому относился, она должна была сделать все, чтобы контролировать ситуацию. Мне все равно, по каким причинам она тогда мне помогала — кроме нее мне никто не смог тогда помочь.

— Ты тогда не хотела и сейчас не хочешь, чтоб тебе кто-нибудь помог. На тебя смотреть страшно. Устала одна, тебе плохо. По крайней мере, это то, что на тебе нарисовано. Ни за что не поверю, что вокруг тебя не крутится рой мужиков. Молодая, интересная, карьера, деньги, все есть. Почему ты одна?

— Потому. Сначала было не до того, похороны, наследство, разборки. Сашка же никогда не хотел ничего с родителями делить. Все, что зарабатывал — прятал так, что только я знала, как найти. Пришлось все улаживать: с одной стороны, они родители, а с другой — это была его воля, что они сами по себе, а он сам по себе. Потом пошла топиться в работе. Было интересно, затянуло, тем более что никто мне не был нужен после него, нужно было просто не вспоминать. Даже во Франции жизнь устроила так, чтобы времени не было ни на что, кроме работы. Теперь мужиков вокруг много, да все не те. Смешно сказать, кто меня окружает. Мужчины женатые или выгодно, или удачно, у них уже все есть и не хватает только умной и обеспеченной любовницы. Ну, какая из меня любовница?

— Да уж. Ты из ревности, наверное, и убить можешь.

— Не знаю. Могу, наверное, но проверять не хочу. Да и не в этом дело. Мне есть, с чем сравнивать, я уже видела, как все может быть. Мы с Сашей прожили четыре года, и это было хорошо. Ничего похожего у меня больше не было.

— Зря ты меня с ним не познакомила, я б сейчас сказал какую-нибудь гадость, и ты бы утешилась.

— Вряд ли. Я достаточно гадостей про него знаю, и все равно не утешилась...

— Поразительно, при твоём циничном здравомыслии, ведешь себя как полная дура. Ищешь двойника что ли? Хочешь встретить еще раз того же самого человека? Не встретишь — и всю жизнь будешь одна.

— Да я вообще никого не встречаю. Или я встречаю самодовольных идиотов, или бабников, или умников, которые хорошо понимают, что со мной прекрасно работается, а вот жениться надо на блондинках.

— Ты тоже не брюнетка.

— Я — стерва, и все это понимают.

— Да какая ты стерва! Стервы стригут пять любовников и не рыдают ночами. А ты еще немного — и будешь днями рыдать. И нечего отворачиваться, и так видно, что тебе конфету предложи и будешь в истерике биться. Нельзя же разложить всех по

полкам и определить, почему они тебе не подходят. Предлагают не то, так научись, наконец, говорить, что тебе нужно.

— Вы думаете, я не говорю! Говорю слишком часто и поэтому тоже одна. Мне же предлагают встречаться по вторникам и пятницам, в свободное от работы, спорта и семьи время. А я не хочу. И почему вдруг сегодня надо меня трясти? Стоит продавиться на одну фразу, и сразу будут жилы тянуть. Хватит меня мучить, я не затем пришла.

— Думаешь, если мы о делах будем говорить, лучше получится? Посмотри на себя. Последний раз я видел, как ты плачешь, когда ты руку сломала в девятом классе.

— Тем более надо сменить тему. Лучше о делах.

— Пожалуйста, можно и о делах, продолжай от себя бегать. В этом году, как и в прошлом, ты читаешь лекцию тем, кто переходит в выпускной класс, и общаешься приватно с теми из выпускников, кто захочет с тобой пообщаться.

— Это те, кому я в прошлом году лекцию читала?

— Да.

— И сколько их будет, уже известно?

— Восемь человек.

— Сколько? Откуда набралось столько людей, которые не знают, чем хотят заниматься?

— Не знаю. Может быть, их действительно так много? Нам они хотят казаться взрослыми и самостоятельными. А тут ты им начинаешь рассказывать, как живет человек, когда надо делать выбор на всю жизнь, а чем заниматься еще не понятно. И что необязательно найдешь свое дело в семнадцать лет, можно найти в другом возрасте. Хотя я подозреваю, что они просто хотят с тобой познакомиться поближе.

— Мальчики что ли одни?

— Мальчики.

— Вы мне предлагаете совращать ваших младенцев? И так настроение себе поправить? Стара я для них.

— Тоже мне старость – двадцать девять. Мне, между прочим, столько и было, когда я собирался тебе предложение делать.

— Так вы — мужчина... Ладно, пусть будет восемь человек. Тогда во вторник лекция в двенадцать, до нее три встречи по часу и после нее восемь человек — пусть записываются, как хотят, — я приду в девять утра. Посмотрим, кому из них хватит часа, чтобы меня обаять.

— Ты целый день не будешь работать? Проблемы какие-то?

— Наоборот, надеюсь сдать проект за эти дни.

— Сегодня – среда. Ты за шесть дней закончишь проект?

— Закончу завтра, а там еще две недели буду посматривать, как все идет. Потом каникулы месяца на три-четыре.

— Уж заведи себе кого-нибудь.

— Собаку поздно, кошку рано.

— Крокодила тогда заведи. Ты домой?

— Нет, надо к родителям зайти.

— Тогда — до вторника. Может, в гости зайдешь?

— Не знаю. Позвоню Марине, по разговору посмотрю, надо ли.

"Неудачный день для родителей, тоже наверняка будут жилы тянуть — почему я все время работаю и все время одна. Эта сумка меня сейчас

раздавит. И документов еще куча на сегодня. Ладно, потерпеть две недели и потом спать, есть и гулять. Борис, какой милый, заботится. Хорошо, что все не получилось, я б его бросила потом наверняка. Милый. Как же болит плечо. И в машине сумку не кинешь — сопрут еще, не дай Бог. Что это тут за строительство, скамейки какие-то? А, здесь же концерт завтра. Уже играют, репетиция что ли? Марк Мортель в Москве. Сходить, может быть? И концерт редкость, и музыка нравится, и билеты есть. Если завтра все пройдет нормально, сил не будет спать, не то, что на концерт идти. Как все перегородили, здесь не пройти. Прямо за домом сцена, и боковые дорожки закрыли. Надо назад идти и делать круг. Тьфу, зачем было сюда тащиться? По прямой не пройдешь. Сумка все руки оборвала — в обход уже сил нет. Ладно, не пойду к ним, до вторника ждет. Хорошо, что машину поставила так, что из окна не видно, а то начнут мучить — почему приехала и не зашла. Послушаю чуть-чуть, как играют, и пойду. Место они выбрали отлично. Сверху красиво, наверное: деревья, сцена, свет, амфитеатр. Интересно, почему здесь не поставили места? Верхушка — совершенно плоская, все отлично видно и слышно. Или еще не достроили? Жаль концерта, да и ладно, сама знаешь, чем кончаются походы на концерты в одиночестве. Интересно, они завтра будут все это играть или это просто для себя? Загадка, почему мне так нравится эта музыка. Какое все зеленое, летом здесь удивительно приятно, хотя столько с этим связано, что не поймешь, где — воспоминания, а где — положительные эмоции от деревьев, лета и свежести в любую жару... Как же Борис меня выбил из колеи, а надо еще поработать. Отдыхать пора, если безобидный разговор с учителем так на меня действует. Главное, доехать до дома и не начать рыдать прямо здесь. Сумку поставлю, послушаю минут десять и пойду. Если с закрытыми глазами слушать, потрясающее впечатление".

20:21

— Отлично, все прекрасно. Поиграйте еще без меня, а я пройдусь по горе, послушаю, где как звучит.

— Телефон возьми, а то еще заблудишься.

— Ладно.

"Отлично. Молодец Фил, в который раз нашел идеальную площадку. Все хорошо — и вид, и звук, и свет. Осталось еще завтра сыграть хорошо. Звучит идеально. Впечатление не портится, если отходить назад, глядя на сцену. Какой сверху действительно прекрасный вид. Если можно будет метров на двадцать подняться от этой точки, так и снимем. Да и просто с вершины хорошо видно, сделать бы здесь еще мест или запустить потом тех, кто билеты не купил, пусть сидят. Можно все это сыграть, давно не делали, звучит очень хорошо. Надо померить, сколько метров еще видно и слышно. Главное шею не сломать, а то иду спиной, ничего не вижу. Очень хорошо, одиннадцать, двенадцать, черт возьми, что это еще?!"

"Прекрасно играют. Как это, наверное, красиво смотрится сверху: зеленая стена, потом сцена, потом поднимающийся холм, небо на закате и свет на сцене яркий, но не резкий. Удивительно, их сейчас трое на сцене, а как отлично все звучит, аaaaaa"

20:30

— Какого черта вы здесь делаете, как вы вообще сюда попали, кто вас пропустил?

"Никогда ничего не могут сделать нормально! Откуда она взялась?"

"Урод, как больно, надо же было так отдавить ногу, и чуть не упала и туфли любимые чуть не испортил".

— Я шла так, как хожу здесь много лет, и мне не встретилось знаков и людей, запрещающих проход. А вы что не могли мне то же самое сказать без членовредительства?

— Вас это не касается, но я не вижу того, что происходит за спиной, особенно когда при этом смотрю на сцену. Могли бы отойти в сторону, увидев идущего человека.

— Не могла, я вас не видела.

— Почему это?

— Вас это не касается, но я стояла с закрытыми глазами, слушала музыку.

"Бывает же. Как это я на нее наступил? Лет тридцать, довольно высокая. Фигура неплоха, но при таком свете точно не разглядишь, что к чему. Зато ноги полный отпад. Тряпки явно дорогие, такая простота дешево не стоит. Какого цвета у нее волосы? Скорее темные. Глаза скорее светлые. Интересное лицо, но не красива. Хотя при таком свете не поймешь. Совершенно не в моем вкусе, но что-то в ней такое есть. В глазах почему-то слезы, наверное, действительно сильно ей ногу отдавил. Ну и нечего стоять, где не просят. Злится на меня, очевидно".

"Не урод, это я сгоряча. Лет тридцать семь — сорок. Небрит, коротко стрижен, темноволос, наверное, брюнет. Глаза какие темные, а может потому, что ресницы длинные. Расстояние в метр все-таки не очень правильное, ругаться некомфортно. Уверен в себе, очень хорош собой и, видимо, обаятелен. Интересно, думает, здесь никто не поймет, что у него написано на майке, или ему просто плевать? Приятно, что худой и быстрый. Из тех, с кем разговаривать стоит только по делу. Мужчина типа "таких лучше избегать" и "таким я никогда не нравлюсь". И отлично, меньше проблем, только музыку не дослушаю, жаль".

"...вот тут, пожалуй, даже Фил ничего не будет иметь против. Если она свободна — проблем не будет, если не свободна, тем более не захочет огласки или скандала. Почему не попробовать? Расстояние в метр совершенно непригодно для такой мизансцены. Отступлю-ка я на шаг".

— Извините, я не хотел вас обидеть, здесь никого не должно было быть, и тем удивительнее это происшествие.

"Действительно, обаятелен, когда хочет понравиться. А мне по-прежнему обидно, что такие мужики на меня никогда не клюют. Главное, я никак не могу понять, почему? Голову бы включила, наконец, — давно понятно, что таких и надо гнать подальше, и хорошо, что не нравишься".

- Я действительно не видела никаких запретов. Продолжайте работать, я ухожу.
- Таким случаем нельзя жертвовать, если мы так неожиданно встретились, может быть, составите мне кампанию? Я сегодня приехал, мне предстоит провести в этом городе две недели. В незнакомом месте всегда лучше иметь провожатого, спутника и друга.
- Вы что же, предлагаете мне провести с вами две недели?
- Почему бы и нет? Если есть такая возможность.
- В чем же вам нужен спутник?
- Да во всем, без исключений.

"Интересно, сколько мне понадобится еще времени, что ее уговорить. Можно делать ставки. Ух-ты, так можно и губу прокусить, дорогая. Руки у нее, наверное, сильные, было бы неприятно получить в глаз таким колечком. А сумка тяжелая, вон как руки напрягаются от тяжести."

"Да, Борису бы это понравилось, вот она — великолепная жизнь, от которой я бегаю. Потрясающе! Мог бы сразу предложить денег за ночь".

- Вы знаете, я всю жизнь стараюсь избегать общения с людьми, которые так дешево себя ценят. Всего хорошего.

"Как всегда, все одновременно. И, конечно, все равно разворачиваюсь и ухожу каждый раз. Мама бы сказала: "Будь проще"... Себя все равно не переделаешь, с таким козлом больше двух недель не проведешь. А жить я собираюсь дольше двух недель. Такие истории мне точно не нужны. Зачем начинать что-то, если точно знаешь, как и когда все закончится и какими, словами можно будет себя обругать?"

"Что это? Что она сказала? Берет сумку, поворачивается и уходит? Как быстро расстояние увеличивает. Три-четыре-пять метров... Раньше такого не было, чтоб так отказывали. Ну, уж нет! Куда она пошла!"

- Подождите. Вы не могли бы повторить то, что сейчас сказали.

"Все время одно и тоже. Эта сумка меня скоро сплющит. Как я устала. Что ему от меня надо?"

- Я сказала, что стараюсь избегать общения с людьми, которые так дешево себя ценят.

— И какова же моя цена?
— Вы сами ее назвали — две недели моей жизни.
— Какова же цена, которая вас устраивает?
— Если вы предлагаете мне разделить с вами все, то цена может быть только одна: вся жизнь.
— Это сумасшествие, вам не кажется? Как можно назначать такую цену совершенно незнакомому человеку?
— Чем же это более сумасшествие, чем предлагать разделить все, но на две недели тому же незнакомому человеку? Что вы знаете обо мне, кроме того, что видите? Что я знаю о вас, кроме того, что вижу? Судя по всему, для вас это нормальный способ общения, так почему же я должна думать, что за две недели вы не добавите к моей картине мира какого-нибудь неприятного или смертельного заболевания? В мире и так достаточно болезней, от которых не защититься, так что незачем на свою голову искать дополнительных проблем.

"Ах ты дрянь, она еще будет меня лечить! Что это вообще такое? Я ей не понравился? Очевидно, она меня не узнала, и это очень хорошо. Или ей не польстило, что ее так домогаются? Было бы странно. Раз так, зайдем с другой стороны".

— Что вы знаете обо мне? А если через две недели выяснится, что я беременна от вас, что вы тогда будете делать?

"Зачем я перед ним распинаюсь? Зачем с ним разговаривать? Иди домой."

— Вы все усложняете, эти проблемы могут быть разрешимы.
— Да? И как же? Разрешать проблемы можно, если знаешь, с кем имеешь дело. Вы же ничего обо мне не знаете. А если я не буду предохраняться? А если я не признаю аборт? Вы, может быть, цените себя настолько низко, что считаете своих детей недостойными жизни, но я к себе отношусь по-другому. И что вы мне предложите через две недели? Взять на себя ответственность за ребенка, который не нужен собственному отцу? Или что — убить его, только потому, что его отец — полное ничтожество?
— Вы делаете из моих слов слишком далекие выводы. Зачем так серьезно относиться к простым вещам?
— Зачем называть сложное простым? Простое для вас — для меня как минимум составное. Мое предложение гораздо более здраво, чем ваше. То, что вы предлагаете, возможно только при одном условии: все на все. Отдаю все и все получаю. Всю жизнь на всю жизнь, все что есть, на все что есть, всего себя, на всего другого. Нет смысла рисковать ради двух недель, которые могут не просто разочаровать, а лишиться жизни.
— Подозреваю, что с такими взглядами вы до сих пор одна.
— Одна, но только потому, что тот, кто согласился с условиями, выполнил их до конца: он отдал мне всю жизнь, которая у него была.
— И что же с ним теперь?
— Он погиб пять лет назад. Всего хорошего. Осторожнее в городе, можно очень сильно погореть.

"Опять эта сумка. Боже мой, сколько можно быть такой дурой, тебе всю жизнь нравятся такие вот козлы, хотя ты прекрасно знаешь, что с ними и в одном трамвае ехать не нужно. Хорошо, что такие на тебя не западают. Истеричка, завелась с пол-оборота. Зачем начала спорить и объяснять? Надо было послать подальше и идти — нет, зачем-то поддерживает разговор, еще бы в слезы ударилась, совсем тормозов нет. Как же здесь пройти покороче к машине? Что за день такой, почему все это сегодня? Вчера или завтра я бы спокойно плюнула и забыла. Я и сейчас плюну и забуду. Жаль, что нельзя стереть его в порошок. Ну почему все сегодня..."

"Интересно, что у нее в сумке? Вот ведь сказала. Складно скандалит. Привычка говорить или просто аргументы подготовлены заранее? Если заранее, то откуда столько эмоций, чуть ли не слезы на глазах? И вдруг взяла себя в руки и уходит. Уйдет сейчас и всё. Что за слово приставучее "всё". Нет, надо её догнать. Пусть еще что-нибудь скажет. Обалденные ноги. И фигура хороша. Так просто она не уйдет. Не может быть, чтоб она ни на что не клюнула. Чуть больше упорства и комплиментов "

— Пойдите!

"Что ж мне ей сказать, чтоб она не ушла? Все испортил, как же мне её удержать? Сначала надо заставить ее слушать, а потом уже дело техники. Сейчас проиграюсь. Привык, что получается легко, малейший отпор — и всё, уже потерялся. Давай, думай, что бы сделать".

— Могу я хотя бы пригласить вас поужинать со мной?

"Так я никогда не попаду домой. Вот к чему приводят советы говорить прямо о том, что мне нужно".

— Вы не поняли, что я сказала, и хотите продолжить уговоры? Вы не хотите ужинать в одиночестве? Или вам нравится выслушивать о себе малоприятные вещи?

"Что не скажи, все мимо. Надо чтоб она поверила. И как-то ответить на вопрос, чтоб не подставляться. Хочу продолжать уговоры? Нет, уговоры тут не помогут. Хочу ли я вообще есть? Поговорить — как ни странно, это самое точное. Наверняка на нее это подействует. Давно меня так не крыли... Да, никогда раньше мне женщины такого не говорили. С ней, видимо, придется через разговоры. Надо уходить, зачем мне проблемы? Ну, да, и позволить ей уйти победительницей!?"

— Я бы хотел поговорить. Поужинать в какой-то момент было бы не плохо, но не знаю, куда я могу вас пригласить, чтоб это не выглядело как продолжение уговоров.

"Ладно, раз надо видеть то, что вокруг меня, хорошо. Этот точно не будет поиском Сашки. В конце концов, Борис прав, я себя изолирую от людей и боюсь вылезти на свет".

— Места, пригодные в этом городе и для разговоров, и для еды, слишком хорошо меня знают — значит, поговорить там точно не дадут. Если вы действительно выбрали поесть и поговорить и хорошо поняли, что я сказала, могу пригласить вас поужинать ко мне домой.

"Или я ничего не понимаю, или это был блеф. Удачный ход, заморочить мне голову. Отшить и тут же пригласить домой. Сейчас узнаем, на что ее можно поймать".

— Вы приглашаете меня ужинать к себе домой? И вы думаете, что я приму это как предложение просто поесть и поговорить?

— Если вы решите, что это что-то большее, я вам объясню еще раз короче и доходчивее. Решайте быстрее, пожалуйста: я очень устала, мне еще нужно сегодня прочесть кучу бумаг и, в отличие от вас, я очень хочу есть.

"Потрясающая находка — поесть и поговорить. Вот и посмотрим теперь, сколько понадобится времени. Теперь пусть она мучается, как меня уговорить. Хотя ехать к незнакомому человеку домой... Вот это точно может быть опасно. А впрочем, детские шалости по сравнению с обычными развлечениями. Не отравит же она меня... И с моей стороны теперь, как не смешно, ни к чему не обязывает. Фил будет счастлив, если поймет".

— Идет, только я предупрежу своих друзей.

"Хорошо, что я с Филом могу поговорить на языке, которого она не понимает. Впрочем, может и понимает. Сейчас узнаю. Вот ведь действительно глупо ничего не выяснить о человеке и ввязываться в историю. Еще немного и мне придется согласиться, что мое поведение безобразно и глупо. В любом случае, я так быстро говорю, что при плохом французском ей меня не понять."

— Фил, я все послушал, звук и вид отличный. Заканчивайте без меня... Не волнуйся, со мной все в порядке, я просто пойду поесть и поговорить.... Нет, не в ресторан, меня пригласили на домашний ужин... Фил, я хорошо помню, что я тебе обещал... Да, женщина... Фил, поверь мне, если есть на свете кто-нибудь более серьезный, чем ты, так вот это она... Прекрати... Да, я вижу ее первый раз... Ты что думаешь, я не могу шлюху отличить с первого взгляда? .. Хорошо, если ты так настроен, я клянусь тебе здоровьем моих родителей, что не коснусь ее даже пальцем, не сообщив об этом тебе лично, а не по телефону... Да, если я решу ее поцеловать, я сначала приду к тебе и попрошу разрешения. Такое обещание тебя устроит?.. Нет, я не знаю, где она живет. Предлагаешь спросить адрес и телефон, чтобы ты мог забрать мой труп?

" Смешно, ему видимо и в голову не приходит, что я могу его понимать, он даже не отошел в сторону. Абсолютно безмятежное выражение лица, и при этом они очевидно ругаются. Врать будет с ясным лицом, вот как сейчас напрашивался поговорить и поесть. Видимо, этот его Фил много хлебнул с таким другом, надо сообщить бедняге, куда его теперь несет ".

— Запоминайте адрес и телефон. Это в двадцати минутах езды к центру, если пробок не будет.

"Да, такого французского я не ожидал. Почти без акцента. Похоже, придется много молчать".

— Фил, записывай адрес и телефон. Да, это все. Не волнуйся. Пока.

— Простите, у меня не было возможности сказать вам, что я говорю по-французски...

— Ничего страшного. Я сам виноват, вы действительно совершенно незнакомый человек. Зато теперь вы знаете, что я и не могу быть вам опасен. Здоровье родителей вещь важная.

— Посмотрим. Кто это был?

— Мой самый близкий друг. Мы знаем друг друга всю жизнь и уже много лет вместе работаем.

— Верный друг. Видимо, ему с вами хлопотно.

— Да. Он говорит, что у него в работе только одна проблема — это я.

— Похоже на правду. Пойдемте, здесь близко, если все не перегородили.

"Форменная дура, зачем тебе все это? Работы по горло и завтра сделка. Неужели все только потому, что он тебе нравится? Ладно, хватит, скорей бы сумку скинуть".

"Да уж, большей глупости сморозить не мог. Ввязываться в историю в первый же день, накануне концерта. И теперь выясняется, чтобы поговорить... ну, впрочем, это мы еще посмотрим."

— Вы позволите вам помочь?

— К сожалению, нет. Это как дипломат с наручником, без права передачи.

— У вас там оружие, судя по весу?

— У меня там бумаги, но их много.

— Ценные?

— Для вас нет, моя цена будет зафиксирована завтра.

— И какие варианты?

— Во франках — чуть больше шести миллионов.

— Вы торгуете наркотиками?

— Нет.

— Тогда что же это?

— Подождите полчаса, я поем и расскажу. Садитесь в машину.

— Вы ездите на Хаммере? Не великоват он для вас?

— Зато очень надежен.

"Отличная машина, так можно и заснуть. Абсолютно не нужно говорить и молчать неудобно. То есть удобно, но может быть в таких ситуациях надо говорить что-то? Вот ведь глупость, впервые в жизни не знаю, что делать и как себя вести с женщиной. Впрочем, можно её вообще не воспринимать как женщину. Нет, надо быть объективным, фигура отличная, только совершенно вся она не в моем вкусе. Слишком резкая. Как они здесь ездят — хуже Парижа раз в сто. Конечно, здесь нужна такая машина".

"Совершенно нет сил вести машину, не въехать бы в кого, аккуратнее, думай, куда едешь. Завтра надо будет вызвать шофера, а то не доеду до работы. Можно, конечно, предложить музыку поставить, да плевать на вежливость, с музыкой точно не доеду, голова и так отключается".

— Такое впечатление, что вы очень цените свою безопасность: надежная машина, твердые моральные устои.

— Кроме меня некому заниматься обеспечением моей безопасности. Приходится уделять этому некоторое внимание. Особенно, с учетом проявлений окружающей среды.

— Посмотрев на ваши дороги, я оценил вашу машину.

— Посмотрите на себя, и вы оцените мои моральные устои.

— Вы всегда так язвительны?

— Я всегда так откровенна. Особенно с людьми, которых собираюсь кормить в своем доме.

— Это такая редкость?

— Откровенность или еда?

— И то, и другое

— Откровенность — вещь обычная — или я ничего не говорю, или говорю, что думаю. Многие жалуются. Что касается еды, то могу попытаться вспомнить, сколько людей я кормила у себя за последний год, хватит пальцев на одной руке. Если вас это интересует, могу вспомнить поточнее.

— Я даже не знаю, что меня интересует, ситуация полностью вышла из-под контроля. Это уже не моё кино. Мне все это несвойственно. Пожалуй, такое приключение со мной впервые.

— Можете быть уверены, это и не моё кино. Мы почти приехали. Я бы на вашем месте надела темные очки. Можете притвориться охранником, тогда вас не заметит консьержка. Делайте вид, что вы смотрите за сумкой.

— Все так серьезно? За вами что следят?

— Нет, иногда охраняют.

"Да, дом впечатляет, какие, оказывается, здесь есть особняки. Совсем как мой. Интересно, это ее квартира? И живет ли она одна? Выбраться отсюда, пожалуй, проблематично самому. Что за бред, когда это меня волновало, как уходить? И место очень приятное, хоть и центр, но тихо и зелено".

"Даша должна была оставить еды, и продуктов, в доме чисто. Не все ли тебе равно, какое впечатление на него произведет твой дом? Ой, у

меня там везде диски и кассеты раскиданы. Это точно не убрать быстро. Ладно, чего не скроешь, так это своих вкусов".

21:08

- Проходите, располагайтесь, пока я займусь едой.
- Вам помочь чем-нибудь?
- Я подумаю.
- Можно мне походить по дому?
- Конечно, я же сказала — располагайтесь.

"Так, сколько мне надо будет сегодня сделать ещё — как всегда всё свалилось на последний день. Наконец-то можно переодеться, уф, как хорошо умыться холодной водой. Где мои джинсы? Так, что у нас в холодильнике? Отлично, ужин почти есть, надо только пожарить мясо. Надо спросить сначала, что он ест, а то ещё окажется вегетарианцем. Поставлю греть овощи и пойду спрошу".

"Дом отличный, и, конечно, она тут одна. А это, наверное, фотографии того самого единственного и неповторимого. Забавно. Если ей такие мужчины нравятся, то я, видимо, тоже не в ее вкусе. Невысокий серьезный блондин. Интересно, как он погиб? Такие, вообще, долго живут, без вредных привычек. Вот это коллекция! Интересно, что она слушает. Неудачно, у неё есть все мои альбомы. Удивительно, где она достала всё это? И фильмы все стоят. Это ничего не значит, может она и не знает, кто я. Меня никто никогда не узнавал, зная только фотографии".

21:32

- Вы едите мясо?
- Да.
- Отлично. Тогда выбирайте вино. И пойдемте есть, а то я сейчас умру, и вывозить придется мой труп, а не ваш.
- Вы запомнили. Вы действительно все понимаете по-французски?
- Я понимаю даже, что написано на вашей майке.
- И можете это перевести на русский?
- Перевести могу, произнести — нет, все-таки это очень грубо.
- У вас тут все так говорят по-французски? Может мне не стоит в ней ходить по городу?
- Можете носить. Французский здесь не часто встречается. Впрочем, во Франции тоже немногие так говорят по-русски как вы.
- А я хорошо говорю?
- Почти без акцента. Его заметно, только когда вы переходите с языка на язык. И вы очень свободно говорите. Особенно, если можете перевести на русский то, что написано на вашей майке.
- Каюсь, могу.
- Тогда вы говорите свободно.
- Отличная еда, вы сами готовили?
- Что-то сама, что-то нет.
- Редко можно встретить женщину, которая так ест и так выглядит.

— Так много ест?
— Не мало.
— Я много работаю. И без еды не могу совсем. Видимо, еда меня жалеет и не дает толстеть.
— Откуда у вас это вино?
— Из магазина, тут недалеко, там бывают интересные вина. Единственное, чего никогда не бывает в этом городе, это сухого сидра.
— Если вы уже наелись, может быть, вы мне расскажете, чем вы занимаетесь. И еще, если это вас не затруднит, не могли бы вы сказать, как вас зовут?
— Ваша язвительность тоже на высоте. Меня зовут Саша, Александра. Пока я буду рассказывать, чем занимаюсь, можете придумать, как зовут вас.

"Вот и попробуй, пойми, что тут делать. Если она знает, а я совру, то все закончится сразу. А если не знает, можно было бы рискнуть. Что за дурость, когда это я боялся врать женщинам? И когда меня волновало, что они говорят? Правда, я никогда их не слушаю..."

— Я занимаюсь предпродажным или послепродажным ремонтом бизнеса. В общем, все равно какого, могу цементного завода, могу туристической кампании, могу газеты, могу еще чего-нибудь.
— И почему это так дорого стоит?
— Потому, что цена продажи зависит от того, что я там сделаю, от этого же зависит, правильно ли были потрачены деньги при покупке. Моя работа не всегда столько стоила, но от сделки к сделке цена растет. Правда, растут и сами объекты.
— И что же вы продаете завтра?
— Продаю не я, продает владелец. Издательский комплекс — газету, несколько журналов и все что вокруг этого крутится. Восемь месяцев работы, зато теперь там всё работает как часы.
— То есть это ваш гонорар?
— Это бонус, продажа моего пакета. Мой гонорар — зарплата за это время. А бонуса могло и не случиться в случае неудачи.
— Забавно. И что потом?
— Ничего, каникулы, отдых, другие предложения, месяца через три-четыре найду что-нибудь интересное, и опять всё сначала.
— И сколько вы этим занимаетесь?
— Такими делами три года, а работаю уже лет десять. Не сразу конечно, всё стало так хорошо. В общем, мне повезло с первым заказом, а потом уже была репутация. Тем более, что в первый раз хозяин еще не знал, что будет делать, и пришлось определять на ходу, чего хотим добиться. Тогда, правда, никто ничего не знал, деньги были шальные, и мало кто вообще понимал, что с такими деньгами можно делать. Мне просто повезло с тем, что я начала работать, когда все можно было попробовать и успеть. А как вас зовут?

"...и не отвертись теперь".

— Меня зовут Марк.
— И чем вы занимаетесь?
— А как вы думаете?
— Мне бы не хотелось отвечать. Очень хочется услышать, что вы скажете.

- Почему?
- Чтобы понять, с кем я имею дело, конечно.
- Тогда придется сказать, что я пишу музыку, играю её и снимаю фильмы. У вас на полках есть все мои диски и фильмы, что удивительно — некоторые из них очень трудно достать.
- Не трудно, в некоторых случаях только это только вопрос цены. И что же вы делаете здесь, кроме того, что завтра у вас концерт? Зачем вам две недели в городе?
- Меня пригласили в жюри вашего кинофестиваля. И настойчиво зовут сюда снимать следующий фильм, надо посмотреть, хочу ли я снимать это место, и на здешние деньги тоже посмотреть.
- Даже деньги предлагают? Почему?
- Сам не знаю — надо выяснить. Возможно, за имя или есть меценат-поклонник. Или, как мне сегодня объяснили, у вас через кино можно много "отмыть".
- Очень возможно. Здесь — больше, чем где-либо ещё — бесплатный сыр только в мышеловке.
- Вы знали, кто я?
- Нет, пока мы не подошли к машине. При свете вас легко узнать.
- Бестактный вопрос: вам нравится то, что я делаю?
- Вас что больше интересует — музыка или кино?
- Не знаю. Наверное, музыка. Но отвечать лучше сначала про кино.
- Кино мне нравится почти всё, за исключением двух самых длинных фильмов. В них, конечно, есть удачные куски. Но они настолько неритмичны... А у вас обычно очень хороший ритм. Я понятно говорю?
- Более чем, пока вполне достаточно. Ну, а музыка?
- Мне не хочется говорить об этом.
- Что?
- Что бы то ни было о музыке.
- Почему?

"Не стоит этого делать, не стоит. Как же сложно, что я совсем не понимаю, как тут надо себя вести, вот уж точно не моё кино. Ладно, если он сказал, как его зовут, пусть..."

"Вот так номер, я встретил человека, которому не нравится моя музыка? Интересно. Смешно, она волнуется, даже рука дрожит. Сейчас салфетку порвет. Очень нервничает. Музыка не нравится? Нет, тут что-то другое, пытается взять себя в руки и не показать глубины эмоций. Только вот по поводу чего эмоции? А я-то что так волнуюсь? Ну не нравится ей моя музыка, и что? Ничего, обидно".

- Было бы смешно отрицать, что мне нравится ваша музыка, я бы тогда не стала её держать в доме. Но мои любимые вещи вы, скорее всего, на концертах не играете. Больше всего я люблю предпоследний альбом.
- Я вообще не понимаю, откуда он у вас.
- Я его купила.
- Но он продавался только в одном месте, его никак не рекламировали. Я издал его сам для себя и тиражом в тысячу экземпляров. Это было как издание дневника,

закончился какой-то кусок жизни и всё, можно издать, но просто так, для себя. Издать, чтобы больше не возвращаться. Не переделывать.

— Я случайно узнала, что он есть, и было не жаль денег. Стоило рискнуть, я достаточно люблю вашу музыку, чтобы позволить себе такую блажь. На аукцион выставили, пришлось купить.

— И сколько же вы за него заплатили?

— Торговалась до последнего и с доставкой получилось 1247 долларов.

— Ух ты!

— Иногда получается делать себе подарки, я ни разу не пожалела об этом.

— А почему вы не хотели об этом говорить?

— Потому что мои отношения с этой музыкой — это мое личное дело, с другой стороны — это ваша музыка. И при этом, даже зная, что она ваша, и вы ее создали, я с трудом могу говорить о ней с совершенно незнакомым человеком. Вы понимаете?

"Вот это номер, да её можно было взять голыми руками. Если бы заранее знать и не торопиться. Промазал, а теперь выпутываться..."

— Да, кажется, понимаю. Вы, наверное, вообще о таких вещах никогда не говорите.

— Это точно. Впрочем, сегодня — действительно не моё кино. Все мои знакомые, расскажи им такую историю, просто рассмеялись бы и не поверили.

— Какую историю? Об ужине и разговоре?

— Незнакомый человек, тем более начавший знакомство таким способом. И вообще, я здесь редко людей принимаю, мало с кем общаюсь, в основном я с людьми работаю.

— Не ваше кино?

— Да, совсем не моё.

— И как же вы определяете, ваше оно или нет?

— Да не знаю, обычно как-то само собой получается. Подходишь к развилке и выбираешь куда свернуть. Правда, со стороны, наверное, не всегда очевидно, что выбор сделан правильно, но я как-то всегда чувствую, куда надо идти.

— А сегодня?

— Сегодня все неправильно. Трудно объяснить. Вы о себе знаете, какое кино ваше?

— У меня все по-другому. У меня развилки не бывает. Я иду по прямой. Мелкие дорожки могут вливаться и отделяться от моего пути, но он широк и прям. Развилки — это все не моё.

— Вот видите, тем более, кино сегодня скорее ваше, чем моё.

— Нет, не моё. Обычно я еду по гладкому асфальту, а тут песок и камни какие-то на дороге. И вообще, я такие темы с женщинами не обсуждаю и таких разговоров не веду.

— Почему?

— Не вижу смысла.

— Привыкли, что всё всегда получается легко?

— Просто я убедился, что если бы мужчины знали, о чем думают женщины, они бы ухаживали в сто раз активнее.

— Занятно, в любом случае, для меня это всё несвойственно, я тоже очень редко разговариваю с людьми на такие темы.

— Мне трудно в это поверить. Вы не производите впечатления замкнутого необщительного человека. Ну да ладно. Странно, что вам нравится именно этот

альбом. Я эти вещи никогда не играю на концертах, я вообще их написал и держал для себя. Это было почти как дневник, каждая из них обычно конец чего-то. Или пик, или кризис.

— Тогда почему вы все-таки их издали?

— Привычка, наверное. Написанную музыку надо отдавать слушать. Или в какой-то момент понял, дневник окончен, пришло время его или выкидывать, или издавать. Все это уже прошло.

— Хорошо, когда можно сказать, что прошло.

— А у вас не прошло что-то? Ну, например, почему вы с людьми только работаете и столько лет одна?

— Мне было хорошо до этого, мы были женаты четыре года.

— Простите, а сколько же вам лет? Вы были женаты четыре года, пять лет вы уже одна. Всего девять. Когда же вы вышли замуж?

— Сейчас мне двадцать девять, поженились мы, когда мне было двадцать. Это во Франции так не принято, а у нас, в общем, обычное дело. И потом, он был старше меня на пять лет.

— В двадцать пять лет трудно содержать семью.

— Смотря где и кому. Ему было просто. В общем, всё было просто, а потом ничто нельзя было с этим сравнить.

— Судя по вашему поведению, у вас ничего и не может быть для сравнения.

— Вы не знаете, есть или нет. Было, да не помогло. Люди есть, и они сильно проигрывают от сопоставления.

— Простите, но это очень пафосно. Что же это такое было, что за пять лет вы не нашли ничего на замену?

— Не знаю, жизнь, любовь. Всё было. Потом ушло.

— Мне это странно слышать.

— Почему? По-моему это просто и понятно... Вас разве никто не ждёт дома?

— К счастью, теперь никто.

— Можно спросить, почему "к счастью", и кто уже не ждёт?

— То, как меня ждали, мне не нужно. Моя подруга, мы были вместе года три, нет четыре, решила, что устала закатывать мне истерики по поводу моего образа жизни и ушла. Когда за ней закрылась дверь, я понял, что безумно счастлив. Оказалось, что я мучился сам и мучил её, когда на самом деле она вообще мне не нужна.

— Тогда почему вы удивляетесь, что я одна? Просто я не мучаюсь рядом с кем-то, кто мне на самом деле и не очень нужен. Пусть они плывут, эти ненужные люди. К тому же, будем говорить прямо, и я им не очень нужна. Потому и не хочу быть одной из ненужных. Вам, наверное, это покажется странным, но лучше быть совсем одной, чем ненужной. Зачем такая жизнь, что может связывать людей в такой ситуации? Вы иногда спите вместе, занимаетесь любовью, вы вместе ужинаете? Конечно, это способ избежать внешнего одиночества, но мне не нужны рядом люди для ужина и постели. Простите, я, кажется, вас шокировала.

— То, что вы говорите, заставляет меня думать, что ваш муж погиб потому, что вы его убили.

"О, это я зря сказал, или она действительно его убила, или считает себя виноватой в том, что он погиб. Никогда не видел, чтобы человек так бледнел. Она сейчас потеряет сознание, точно. Надо как-то её вывести из ступора".

— Вам плохо?

— Он погиб в автомобильной катастрофе. И я в этом действительно виновата, я просила его побыстрее приехать домой.

"Все, надо кончать этот разговор. Зачем я его пустила? Чтобы все это вытаскивать наружу? Пять лет расходовать все силы на то, чтобы убедить себя жить — и порушить всё своими руками".

"Как неудачно вышло, неловко ужасно. Надо бы извиниться, и момент плохой, надо что-то решать, уходить или оставаться. Придется рисковать. Как я ее приложил, паузы длинные, а она до сих пор не может прийти в себя. Тем лучше".

— Мне, пожалуй, надо рассказать вам одну вещь.

— Вы уверены?

— Да, уже уверен. Выхода нет. Хотя очень не хочу этого делать. С одной стороны, мне совершенно не хочется уходить, с другой, мне нужно кое-что сделать, а без вашего согласия я не могу.

— Тогда рассказывайте.

— Вы были правы...

— Теперь мне надо спросить, в чем?

— Когда отказали мне. Вы даже сразу назвали правильно причину, по которой это надо было сделать. Мои приключения действительно не всегда заканчиваются гладко. Последствия последнего придется еще две недели лечить антибиотиками.

— Вам пора пить лекарства?

— Да, но тогда мне придется уйти, чего я пока не хочу, или попросить привезти их сюда.

— Так попросите. Адрес они знают.

— Вы не предложите мне уйти?

— Вы надеялись, что я вас выгоню?

— Нет, но это было бы логично.

— Это было бы обычно для меня. Сегодня всё равно всё идет не так, поэтому не выгоню.

"Изобретаю новый способ совращения? Да всё равно уже. Почему не сказать. Времени нет выдумывать правдоподобное объяснение. Сам виноват, повелся на Фила, решил, что приключений не будет. А надо было быть готовым ко всему и брать лекарства с собой. Тогда бы и не пришлось рассказывать. Почему она так сжимает край стола? Пальцы побелели. Волнуется, нервничает? А лицо спокойно. Может быть, просто привычка. Я слишком много говорю. Решил, что ничего не будет? Точно? Обидно целый вечер потерять".

"Дура набитая. Не надоело всё время быть правой? Гони его. Ага, а он решит, что это из-за того, что он мне сказал про Сашку. Сама такие правила игры установила. Он ещё долго держался, прежде чем ударить. И не дурак, место нашел правильно. Надо гнать его скорее. Мог и соврать про лекарства. Мог и наверняка где-нибудь соврал. Обидно, почти до слез. Идиотка. Я же правильно сразу сказала, чем мне всё это грозит, и он ещё

мне голову морочил, что я ко всему отношусь слишком серьезно! Чего ждала? Хоть раз видела, чтобы мыльная опера обходилась без трагедий? Тем более для второстепенного персонажа".

— Через десять минут. Они позвонят снизу. Я могу спуститься, чтоб не вызывать вопросов?

— Можете, я предупрежу.

— Странное чувство, мне кажется, я вас сейчас обидел.

— Вы меня обидели тогда, а сейчас об этом стало известно.

— Вы обиделись?

— Нет. Я расстроилась. Неприятно отказываться правой в таких вещах. И потом, у меня сегодня был тяжёлый день. Я очень устала на работе, а ещё мне, вдобавок, пришлось отбиваться от человека, который много лет меня знает и очень хочет, чтобы мне было хорошо.

— Хорошо с ним?

"С ума сойти, я почти ревную. Женщина, которая мне не нравится, и какой-то неизвестный человек".

— Как трудно объяснять все с нуля. Это мой учитель. Он учил меня математике. Тогда же он меня любил, но, когда появилась возможность, так ничего и не сказал. Наверное, был только один момент, когда мы могли быть вместе, и он был упущен. Он женат давно, я уже успела выйти замуж и остаться одна. Кажется, он чувствует себя виноватым, потому что жив и у него все хорошо, а я одна, и он уверен, что мне очень плохо. Так что сегодня он убеждал меня изменить свое отношение к жизни, не бегать от нее. Зная при этом, что он-то мне ничем не может помочь, даже если и хочет. Правда, это уже мои домыслы, вполне возможно, что мы с ним действительно теперь просто друзья. Скорее всего, он думает, что мне должно быть хорошо, но с ним это точно невозможно.

— Вы любили его тогда?

— Не знаю. Трудно трезво оценить, как относишься к такому человеку. Он фактически меня воспитал, я им восхищалась и знала, что он в меня влюблен. В семнадцать лет понять, что за чувства я испытывала, невозможно. Я была абсолютно уверена, что мы будем вместе. И все прошло мимо, к счастью. Теперь, наверное, можно сказать, что я была влюблена, но не любила.

— Не вижу разницы между этими словами.

— Влюбленность проходит, у всех по-разному, но проходит. Любовь не имеет с ней ничего общего, хотя часто они приходят одновременно. Впрочем, вы меня просто морочите, конечно. Вы это хорошо знаете.

— Если считать, что любовь не проходит, то, значит, я никогда не любил. У меня все проходит. Я многих любил.

— К вам тоже так относятся?

— Было несколько женщин, которые испытывали ко мне сильные чувства. И каждая рано или поздно говорила: "Выбирай или только я — или я уйду". Конечно, я немедленно говорил: "Уходи". Возможно, кто-то из них до сих пор испытывает ко мне сильные чувства — правда, после ответа "уйди" — вряд ли это любовь...

— Но ваш ответ очевиден, его можно просто представить себе до того, как... не знаю, любить. Если задаешь такие вопросы, то нарываешься на такой ответ. Нет, не так... Если дошел до состояния, когда ставишь такие условия, значит ответ уже

известен. Мне жутко даже представить, как можно терпеть такое отношение к себе, когда начинаешь задавать такие вопросы. Совершенно не могу понять, почему они соглашались так жить? Ради чего так себя мучить?

— Вам не приходит в голову, что я им нравился, как мужчина?

— Вполне возможно, но как человек вы не очень располагаете к близости.

— Вы мне это уже говорили. Но сам факт нашего разговора опровергает ваши слова.

— Это вам звонят. Спускайтесь.

"Все как всегда. Конечно, он мне нравится. Конечно, он это чувствует. И, конечно, я ему не нравлюсь. Хотя я этого и не чувствую, но я никогда не нравилась такому типу мужчин. Лучше считать, что здесь это правило подтвердится. Надо закончить разговор и вернуться к действительности. А не хочется, совсем не хочется. Приятно разговаривать с человеком, который скоро уйдет и на этом всё. Ни к чему не обязывающая откровенность. Мазохистка, тебе мало? Еще хочется получить по больному месту?"

"Фил так зол, что прислал шофера. Наверняка изнывает от любопытства и беспокоится. Я веду себя, точно как он — разговоры, правда, вежливость. Оказаться в сюжете, где всё не по моим правилам. Остается поверить ей на слово, что для неё это тоже неожиданность. Затягивает. В сорок лет обнаружить, что если поговорить с человеком хотя бы два часа, близость с ним может показаться желанной, но совершенно недостижимой. Сейчас я бы и руку ей пожать не смог. Бред, конечно, смог бы. Только пробовать боюсь. Фил будет счастлив или зол: он мне говорил всё то же самое тысячу раз. И никакого результата. А тут незнакомый человек объяснил мне всё за два часа. Хотя Филу я никогда не давал говорить два часа. Интересно, кто это ей звонит в такое время?"

— Нет, Вань, нет, я еще не смотрела. Пришли, наверное... Я не могу сейчас... Потерпи до утра, какая разница?... Я сказала уже, что не могу... Не могу, потому что занята... Занята и всё... Это не твоё дело... Послушай, я скоро отдельно для тебя запишу голосовое сообщение, что разговариваю только по деловым вопросам... Я не хочу опять это обсуждать... Нет, тебе придется подождать до завтра, а сейчас у меня дела. До свидания.

— Всё в порядке?

— Да, всё привезли.

— Вода на столе.

— Спасибо. А у вас всё в порядке?

— У меня всё как всегда.

23:01

— Почему вы так хорошо говорите по-русски?

— Вы из вежливости спрашиваете? Или вы действительно никогда не читали моей биографии?

— Читала и не одну. Но наличие русской бабушки не объясняет качества языка. Я знаю массу людей, которые детьми жили здесь, уехали и через десять лет говорят с ошибками.

— У бабушки был стимул сохранить язык. Мой дед — венгр, она познакомилась с ним, когда бежала из России после революции и первой войны. Во время второй они жили в Швейцарии, а после войны переехали во Францию. Почему-то для них было очевидно, что дети и внуки должны сохранить все встречающиеся языки. Поэтому нам всем приходится жить как минимум с тремя языками. Русским, венгерским и французским. И еще английским. И немецким.

— Но ваша бабушка вряд ли может перевести на русский то, что написано на вашей майке.

— Знаете, всё может быть, но я её не спрашивал. Правда, к усовершенствованию моего русского она приложила руку и здесь. Всё время приглашала к нам домой русских, только что уехавших из России. Люди были разные, в основном диссиденты, некоторые с детьми. А дети были вполне моего возраста. Так я и шлифовал свой язык. Как видите удачно.

— Тогда почему вы первый раз в России, вам не интересно было посмотреть, как здесь живут?

— Не более чем посмотреть, как живут в Гвинее, например. Я же знаю страну бабушкиного детства. И еще со слов людей, которых эта страна, скажем прямо, не жаловала. Любопытно, но не настолько, чтобы бежать сломя голову.

— А думаете вы как? И какой язык для вас первый?

— Если не контролировать себя, то французский, конечно.

— Русская бабушка и дедушка венгр — это родители вашего отца?

— Да, но я пользуюсь маминой девичьей фамилией. Невозможно заставить людей произносить без ошибок фамилию деда. По-русски, как минимум, два способа Карольи и Каройи.

— А как правильно?

— Да оба не точны, но второй мне нравится больше.

— Они еще живы?

— Бабушка и родители — да. Отец теперь делает вино. Вместе с моим братом. Прекрасное занятие для врача. Мой отец врач, оставил практику, вернулся в дом, который ему оставил дед, и теперь наслаждается тишиной и отсутствием пациентов. У них там никто не болеет. А мой младший брат так никогда оттуда и не уезжал, только учиться, когда дед ему сказал, что не разрешит делать вино, если он не получит образование.

— Там хорошо?

— Прекрасно, земной рай. Грешники там долго не выдерживают. Но все детство я провел там. Родители приезжали на каникулы, а мы с братом жили у бабушки. Поэтому у неё была возможность научить нас языку. Она просто ни на каком другом языке с нами не говорила. И дед тоже. Хотя мой венгерский не так хорош — основной язык был русский. И венгры к нам не часто приезжали. А русских было в избытке. А что с вашим французским?

— О, это просто, я училась во Франции некоторое время. Выхода не было, пришлось заговорить.

— И чему учились?

— В основном языку и еще бизнесу, если это можно так назвать. Оказалось очень полезно для деловых связей и карьеры. И потом, я там провожу свои каникулы — тоже не дает забывать.

— И где же вы проводите свои каникулы?

— Всегда в одном месте. Гозло.

— Довольно дикое место.

— Дороги там есть. Когда надоедает, я всегда могу куда-нибудь съездить, сплавать или слетать.

— Вы туда же поедете через две недели?

— Скорее всего, да.

— Одна?

— Да.

"Она ненормальная, проводить три месяца в этих местах, одной. Или она врёт и не там, и не одна? Или она действительно прячется от жизни. Работает на износ, отдыхает в цивилизованных, но пустынных местах. Я давно там не был. Может напроситься в гости? Ещё прожить надо две недели. Вот новость, что ещё интересного я себе скажу сегодня — прожить две недели? Куда-то пропала легкость? Это настораживает. Надо будет съездить домой, как вернусь. И ещё родителям позвонить. И не забыть купить подарок бабуле".

"Прожить бы эти две недели. Уж сил совсем нет. Как мне там будет хорошо. Завтра, потом ещё чуть-чуть и океан, скорей бы".

— Хотите чаю, кофе?

— Кофе, если не трудно. Вы устали?

— Да и давно.

— Тогда я выпью кофе и пойду.

— Это уж как вы решите. Сюжет не мой, кино тоже, так что трудно предположить его развитие.

— Сюжет и не мой. Так что с тем же успехом, можно сказать "как вы решите".

— Расскажите мне ещё что-нибудь за кофе.

— Рассказать? Что?

— Не знаю, например, как ваша русская бабушка вышла замуж за дедушку-венгра.

— Это типичное кино. Ещё до первой войны бабушкин отец перевел все деньги и состояние в Швейцарию и Англию. Очень удачно всё вложил, и тут случилось непредвиденное. Пока он всё перевозил, устраивался, война перешла в такую фазу, что вывезти жену, дочь и сына он уже не мог. Но была договоренность, что они будут пытаться выехать к нему при первой возможности. Им все время не везло, только подвернется возможность уехать, как кто-нибудь заболел. Дело кончилось тем, что прабабушка умерла от испанки, и бабушка с братом решили любыми путями выбираться к отцу в Англию. Документы у них какие-то были, деньги золотом и драгоценности. С ними ехал управляющий отца, который смог сделать так, что бабушка окольными путями попала в Будапешт к его сестре, которая вышла замуж за венгерского промышленника задолго до войны.

— Это невозможно. Россия же воевала с Австро-Венгрией, как можно было после революции проехать через Украину, пройти через линию фронта и попасть в Будапешт? Какой это был год?

— Уже восемнадцатый. Действительно звучит неправдоподобно, тем более, что в Будапешт добралась только бабушка в конце восемнадцатого. Война толи кончалась, толи нет, Венгрия объявила независимость. Путаница была страшная. Там она добивалась разрешения уехать к отцу. Как она попала в Будапешт, что ей пришлось пережить, она не любит рассказывать. Но до сих пор, кажется, обвиняет себя в том, что если бы не заболела, то они бы смогли выехать все вместе вовремя,

и мать и брат были бы живы. Что-то мой русский захромал, как-то я коряво рассказываю.

— Почему вдруг?

— Не знаю, я об этом всегда слышал от первого лица. А теперь приходится рассказывать самому, и как-то все незнакомо звучит.

— Вы ещё скажите, что никогда раньше об этом не рассказывали.

— Действительно не рассказывал. Ну, так вот, денег остается очень мало, ей надо срочно выезжать, сестра управляющего, конечно, приняла её у себя, но долго это продолжаться не могло. Муж к тому моменту уже умер, и ей нужно было заботиться о себе. В общем, бабушка была обузой, и сама это прекрасно понимала. Пока поезда ходят, нужно было добраться хоть куда-нибудь. Она знает адреса в Швейцарии и в Англии, пытается связаться с отцом, но ничего получается. И, главное, ей не дают документов, чтобы выехать. В Венгрии неразбериха, объявление независимости и канун большевистского переворота, никому нет дела до проблем девочки восемнадцати лет, которая пытается уехать. И вот она приходит на прием к чиновнику, отвечающему за выезд, а он объясняет ей, что ничего сделать не может. Но совет даст. Конечно, помочь ей могут люди, которые занимают более высокое положение, чем он. Называет несколько фамилий, в том числе и графа Михая Каройи — главы Национального совета. Я думаю, он просто хотел от неё отвязаться и специально называл людей, до которых она никогда не доберется. Бабушка слушает все это, и вдруг в кабинет входит человек, чиновник вскакивает, здоровается и представляет ей мужчину, называя ту же самую фамилию. Бабушка говорит, что это был самый худший момент в её жизни. Она смотрит на человека, который может ей помочь, она знает, что сейчас не до гордости, скромности, честолюбия и понимает, что всё это здесь ни при чем. Просто она не может ни о чем попросить этого конкретного человека. Потому что это тот единственный человек, которому она ни в чем не сможет отказать. У неё язык не повернется ни о чем его просить. Она быстро прощается с чиновником и пулей вылетает из кабинета, кляня себя, на чем свет стоит. На следующий день она опять приходит к чиновнику, но тот её даже не принимает, говоря, что у неё была возможность решить свои проблемы, если она этого не сделала, то он ей больше ничем помочь не может. И вот бабушка выходит из кабинета, идет по коридору и так ей становится плохо. Она говорит, что ей не было так плохо, даже когда она потеряла всех и добиралась до Будапешта одна. Стоит она, смотрит в окно и понимает, что сделала что-то такое, о чем, возможно, будет жалеть всю жизнь, а иначе не могла и все теперь кончено, теперь уже всё равно где жить. Шанс упущен, да и всё равно ничего ей не нужно, никогда она не сможет быть с человеком, которого упустила вчера. Бабушка очень набожна, поэтому дальше она читает "Отче наш", вытирает слезы и решает, что пора оторваться от окна и идти устраивать как-то свою жизнь. Поворачивается и видит, что рядом стоит тот самый человек, по которому она сейчас плакала.

"Вот ведь, вроде не мальчик уже, но явно боготворит бабушку. Интересно, к родителям он так же трепетно относится? Прямо пантеон, этакие небожители, и все земные с ними не сравнятся никогда."

— Дед был племянником этого самого Михая Каройи. Семья в то время разделилась на две части. Родители деда считали, что хорошего в Венгрии не будет, потому что уж очень набирает силу всякий сброд, имея в виду пленных, возвращавшихся из России и занимавшихся коммунистической пропагандой. Вторая половина семьи

вместе с Михаем говорила, что надо поддержать национальную независимость. В общем, был большой скандал. Прадед всё, что ему принадлежало, вывозил за границу. Дед же должен был ехать всем управлять и подготовить все для переезда родителей. Прадед поехать не мог, а два других брата деда погибли на войне. То есть он наследник, ему всё и караулить. Когда бабушка была в кабинете чиновника, он пришел забирать свои выездные документы. И вот он входит в кабинет, чуть не теряет дар речи, потому что видит поразительную красавицу. Бабушке было восемнадцать, у неё были пепельные волосы и огромные черные глаза. Красоты неземной женщина, она и сейчас очень хороша, а тогда, думаю, просто столбняк напал на деда. Он представляется, она вежливо прощается и тут же уходит. И тут начинается самое интересное. Чиновник, отдавая ему документы, недоумевая, рассказывает, какая странная девушка. Ведь, говорит, буквально за минуту до вашего прихода, говорил ей, что человек с фамилией Каройи вполне сможет ей помочь, вроде всё поняла, и тут раз и сбежала. Дед, конечно, начал расспрашивать. Услышал всю эту историю и очень удивился. Положение у неё явно не такое, чтоб так себя вести. Дед всё время об этом думал. В результате к вечеру он был уже уверен, что надо её найти, во что бы то ни стало, и сделать ей предложение.

— Что-то мне с трудом верится, что такое возможно. Вот так увидел и решил сделать предложение?

— Старший брат деда ушел на войну, обручившись с прекрасной девушкой. Говорил, вот кончится война, тогда и женюсь. Его убили в пятнадцатом году. Дед был средний брат. Младший брат ушел на войну и не объяснился с девушкой, которую любил. Думал, что всё пройдет легче, когда он вернется увешанный медалями. Его убили в шестнадцатом году. Дед, в общем, жениться не собирался, но решил, что если встретит правильную девушку, то ждать не будет, а то так можно и не успеть. Поэтому, когда встретил бабушку, так все сразу и решил. Утром он предупредил отца, что, кажется, нашел себе невесту, и сказал, что если сможет её сегодня встретить и уговорить, то привезет знакомиться. Родители были в шоке. Богатая, знатная семья. Единственный сын, красавица, умница и вдруг рассказывает такие вещи. А он отправился в министерство и стал ждать, пока она придет. Наблюдал, как её не приняли, и смотрел, как она стоит у окна. Он говорил потом, что мог, наверное, так простоять несколько часов, но когда увидел, что она плачет, то очнулся и подошел. Тут она его увидела. Я сто раз слышал эту историю от бабушки и от деда. Свой первый разговор они запомнили слово в слово. Дед спросил, почему она вчера ушла так внезапно и не попросила помощи. Бабушка была настолько расстроена, что сказала: "Я не в состоянии ничего попросить у человека, которому не смогла бы ни в чем отказать". Дед говорил, что если бы не шок и не воспитание, он бы прямо там начал её целовать. Но смог все-таки сказать, что тем лучше, значит, она не сможет ему отказать, если он сейчас попросит её стать его женой. Бабушка пыталась что-то сказать о неразумности подобных просьб, о том, что она не может принять предложение человека, о котором ничего не знает. На что он ей ответил, что если она примет его предложение прямо сейчас, то они немедленно поедут к его родителям и вечером обвенчаются. И бабушка не смогла сказать "нет". Я потом наблюдал это не раз, как она не могла сказать деду "нет". Так продолжалось всю жизнь. Она даже в католичество перешла, чтобы можно было быстро пожениться.

" Это его идеальная женщина? Ищет такую, которая не может сказать "нет", не ставит условий и идет на край света? Зачем ему всё это? И

женщин таких наверняка вокруг него полно. Интересно, у бабушки и дедушки есть какие-нибудь недостатки? Надо будет спросить".

— Брат её так и не выбрался из России, где и как погиб неизвестно. С отцом она встретилась только в двадцать пятом году. Мой дядя родился в Англии. Отец уже в Швейцарии в тридцать втором. Когда Михай Каройи уехал в эмиграцию после коммунистического переворота в девятнадцатом, прадед и дед ему помогали устроиться. Вот такая история.

— И, правда, кино. Почему вы его не снимаете?

— Бабушка сказала, что она не в состоянии смотреть на это. И попросила меня никогда не снимать её жизнь.

— А родители ваши тоже так стремительно поженились?

— Ну, смотря в каком смысле. Отец говорит, что сразу решил, что женится на маме. Они вместе учились. Он говорит: "Увидел её и сразу всё решил". Она была ужасно общительная, душа компании, куча друзей, все за ней ухаживали. А отец цветов не дарил, свиданий не назначал, они виделись только на занятиях, но через три месяца уже все были уверены – их брак дело решенное, ловить тут нечего, можно идти отдыхать. Мама говорит, что когда через полгода она поняла, что за ней никто не ухаживает, её чуть удар не хватил. Она стала размышлять, куда что делось, и вдруг поняла, что сама всех отвадила. Ну, то есть она была уверена, что сама. Потому что всех сравнивала с отцом, и все рядом с ним выглядели уродами и дураками. Отец же хитро улыбается, когда это слышит, видимо не просто так все решили, что ловить тут нечего. Хотя он действительно никак не проявлял своих намерений. Мама была уверена, что они просто хорошие знакомые, вместе учатся. Кажется, опять нескладно. Вы что-нибудь поняли?

— Да, все нормально. Если будет непонятно, я скажу.

— И вот как-то сидит она на занятиях, отец почему-то не пришел. Сидит и думает, как ей жить дальше. Никого рядом нет, все уверены, что у них роман. Роман-то роман, думает она, но это я в него влюблена. А он? Если бы хотел, уже, наверное, давно себя проявил. Значит, не любит. Расстроилась она ужасно. А тут еще после занятий, когда она хотела присоединиться к подругам, они даже не поняли – зачем. Сказали ей что-то типа: "Ну, пока, не будем тебя задерживать". Для них тоже было очевидно, что ей не до чего, у неё любовь, так что нечего человеку мешать и задерживать. Мир рушился на глазах, даже поплакаться было некому. Села она на первую попавшуюся скамейку, чтоб её только не видно было проходящим мимо, и рыдала горячими слезами. Отец говорит, ничего не делал специального, да и смешно было делать – вокруг неё всегда был рой людей, нечего было и пытаться. И тут ему говорят – вы что поссорились, она там сидит и рыдает, а ты тут, как ни в чем не бывало. Он собрал волю в кулак и помчался утешать. Смотрит, действительно рыдает. Он, продолжая прежнюю игру, спрашивает дружески: "Что случилось?" Мама говорит, что чуть его не убила, когда услышала этот спокойный голос. И говорит: "Не скажу". Начали препираться. Отец уговаривает сказать, в чем дело, а она говорит: "Тебе не скажу". Тогда он понял, что дело зашло далеко, пора раскрываться. Говорит, скажи мне, я же твой друг, может, помогу чем. Она рыдает еще сильнее. Тогда он ей: "Расскажи мне, в чем дело, я же люблю тебя, я не могу смотреть, как ты рыдаешь". Дальше всё было просто. Главное было её успокоить, а потом уже всё выяснили и поженились, так быстро, как только смогли.

— Красиво, тоже кино.

— Теперь вы мне что-нибудь расскажите.

— Такого я не смогу рассказать, у моей семьи ничего киношного нет. Только длинная история. Родители. Братьев и сестер у меня нет. Бабушки—дедушки уже умерли. Обычная длинная жизнь семьи. Если рассказывать, то часами, потому что больших событий не было. Бежали от революции в Москву, здесь учились, здесь встретились, родители мои тоже вместе учились. Милые подробности, ничем не примечательные, если смотреть снаружи. А, может быть, просто я очень не похожа на вас.

— Это чем же?

— Вы так трепетно относитесь к семье. У меня этого совершенно нет. Для меня кровные родственники — это люди, с которыми связан не по свободному выбору. Я принимаю их такими, какие они есть, но отношусь к ним спокойно. А вы к своим трепетно.

— Трепетно? Ну да, я очень их всех люблю. Вы меня спросили, кто меня дома ждет, я сказал никто. Но это в доме, где я живу. Потому что в доме, где живут бабушка, родители, брат с семьей — там меня всегда ждут. В отличие от многих людей, которых я встречаю, они настоящие. Они мне очень нравятся. К сожалению, таких очень мало. С другой стороны, мне повезло, я хотя бы знаю, что они есть, хотя и вижу редко, и жизнь моя проходит среди совершенно других персонажей. Ну, так что, ничего мне не расскажете?

— Ох, не могу, совсем нет сил рассказывать интересное. Лучше вы еще мне что-нибудь расскажите.

— Ну, хорошо, расскажу. Знаете, почему в сегодняшний вечер никто не поверит? Потому что вы совершенно не мой тип женщины. В жизни я люблю красивые классические лица, контрастные волосы: или брюнеток, или блондинок или рыжих, не люблю оттенков. Скорее среднего роста, чем высоких. Не умеющих отвечать быстро и колко. С маленькими, ухоженными руками и маникюром. Одетых по-женски, даже если брюки, то женского кроя. Бездельниц, проводящих дни в ожидании моего появления.

— Ничуть не удивлена. Я и сама в эту историю не верю именно поэтому, а еще и потому, что у меня есть правило: никогда не общаться с такими как вы. Правда я вам сразу так и сказала.

— Вы сказали не так.

— Вы обиделись?

— Я был в ярости. Меня давно так не оскорбляли.

— Меня тоже. Незнакомые люди.

— То есть знакомые еще и не так?

— Предложения бывают разные.

— Вы им тоже так, как мне, отвечаете?

— Их приходится уничтожать медленно и мучительно, чтобы никогда не забыли.

— Как сейчас по телефону?

— Приблизительно.

— Помогает?

— Когда как, некоторые очень живучи и упорствуют.

— Вы пойдете завтра на концерт?

— Хотела, но не пойду.

— Почему?

— Во-первых, потому что у меня завтра действительно длинный, тяжелый день. Если все пройдет успешно, то сил не будет никуда идти. Во-вторых, я терпеть не могу ходить куда-то одна и возвращаться домой одна. После концерта имеет смысл

говорить о музыке, о концерте, обсуждать впечатления, пока не заснёшь. Поскольку такого человека, с которым можно было бы так разговаривать, уже давно нет, и заменить его некем, то нет смысла себя травить. И музыка слишком нравится, и травить себя не хочется. Так что на концерт я, видимо, не пойду.

— Вы опять убегаете от жизни, как сказал бы ваш учитель.

— Конечно, именно это я и делаю.

— Уже очень поздно. А мне совсем не хочется уходить.

— Не хочется — не уходите.

— Вы же не предлагаете мне остаться здесь на ночь?

— Почему же, могу и предложить. Если вы боитесь, что я буду посягать на вашу невинность, можете уйти.

— К сожалению, я думаю это последнее, что может мне угрожать.

— Не прикидывайтесь, вы сами уже всё сказали. Относительно женщин, которые вам нравятся и не нравятся.

— Можно, я задам вам последний вопрос? Просто чтоб как-то закончить разговор. Только скажите мне правду.

— У вас уже был повод уличить меня во лжи?

— Нет, но может быть просто потому, что не было возможности. Скажите правду?

— Если я не смогу этого сделать, я просто промолчу. Задавайте свой вопрос.

— Вы мне отказали потому, что совсем меня не хотите?

— Вы задали два вопроса. На какой вам ответить: почему я вам отказала? или хочу ли я вас?

— На оба.

— Я сразу вам сказала, почему нет. И тогда я сказала правду. Такое предложение можно делать только, если готов заплатить реальную цену. А цена подобных предложений может быть только "всё на всё". Даже, если предлагает человек, которого хочешь... Как сегодня... Вы уверены, что вам стоило знать ответ на второй вопрос?...

— Да, уверен.

— Пусть так... Я бы тоже спросила вас кое о чём, если скажете правду.

— Если не смогу, я промолчу. Задавайте.

— Зачем вы сюда пришли?

— Поесть и поговорить. Я был заинтригован и не хотел проигрывать. Мне, конечно, отказывали и не раз. Но так со мной еще никто не разговаривал. Женщины могут отказывать, кокетничая, но вот так стирать в порошок — это им не свойственно. Если вы спрашиваете о том, хотел ли я продолжить уговоры, то скорее я хотел продолжить борьбу. Мне могли отказывать, но никто меня так не унижал. Я не мог позволить вам уйти победительницей. И, чтобы этого не допустить, я был готов на все. Даже заставить вас отказаться от своих слов. Или переменить мнение по поводу двух недель.

— И кто победил?

— Время покажет, но это уже следующий вопрос.

— Тогда завтра, когда соберетесь уходить, нажмите красную кнопку у двери. И захлопните дверь.

— Зачем вы мне всё это говорите? Вы оставите меня в своем доме и уйдете?

— Мне надо будет рано уйти.

— Рано — это когда?

— Самое позднее в половину девятого.

— Действительно рано. Хорошо, я всё сделаю.

— Я вам постелю там, где диски.

"Сейчас поработать и спать. Все мысли завтра. Завтра, а лучше послезавтра утром."

"Надо предупредить Фила, а то он может сюда армию пригнать. Уже половина первого. Хорошо бы он не спал".

— Это я... Не волнуйся, я прекрасно помню, что обещал. Я здесь переночую... Нет, один. В другой комнате. Здоровье родителей мне дорого, и тебя я берегу от нервных потрясений... С недавних, с недавних пор... Тем более, я ей рассказал, что за лекарства и почему... У меня не было выхода, она всё равно обо всем догадалась и сама.... Нет, она хуже тебя. Ты — мой друг, а она — нет, поэтому может мне сказать всё и очень грубо... Хорошо, я приеду завтра утром. Я позвоню, когда прислать машину. Ты успокоился?... Ну, знаешь, на тебя не угодишь. Снимаю шлюх — ты недоволен. Не снимаю — ты всё равно ругаешься... Хорошо, спокойной ночи.

— Если вам нужен будильник, он стоит на столе.

— Я не слышу будильников. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

02:17

"Давно не доводила себя до состояния выжатого лимона. Хорошо, что документы надо только прочесть. Надо взять себя в руки и читать. Спокойно читать. Сто страниц — это я загнула. Здесь не больше пятнадцати. И когда я успокоюсь? Скоро буду наизусть все это знать. И не буду замечать внесенных исправлений... Молодцы, всё сделали. Надо ещё с деньгами разобраться сразу же, чтобы всё было раскидано и в одном месте не лежало. Осталось только закончить сделку. Даже думать не хочу, что будет завтра. Не проспать бы завтра. Как это еще никто, кроме Вани, не звонил, не нарвался на неприятности. А Ваня был бы в ярости, если бы узнал, чем я занята. Ему отказ за нежные чувства и упорство, а тут какого-то козла с руки кормят".

03:36

"Почему не ушел? Чушь какая. Абсолютно безнадёжная ситуация. После таких разговоров остается только неловкость. Просто общаться потом невозможно, углубляться некуда, все точки уже расставлены. Ну да, теперь я буду уговаривать себя, что расставлены. Например, так ли уж она мне не нравится? Полный тупик. Надо было уйти и закончить историю. Завтра она уйдет, я, конечно, не проснусь в такое время. И что дальше? Кино закончится. Совершенно непонятный эпизод, куда его вклеить? Зачем остался ночевать? Надо было уходить, все равно завтра мы уже не встретимся. Зачем я вообще здесь... пришёл, чтобы победить. И в результате лежу и мучаюсь, не знаю, где нахожусь, куда попал, и что теперь делать. Что делать? Зачем было столько рассказывать? Чтобы остаться и разговаривать дальше. Может сейчас уйти? Но не хочется, действительно, не хочется. А как я завтра уйду? И что вообще делать завтра? День, потом концерт. Потом прием, потом уже наступает пятница.

Мастер-классы. Потом суббота и уже фестиваль. И всё, две недели прошло, все прошло. Нет, ещё что-то не договорено, так я не уйду. Как же мне не проспать её уход. Будильник не поможет. Просто кошмар какой-то, придется спать на полу у неё под дверью. Мыльная опера какая-то..."

07:15

"Как же надоел этот будильник, ненавижу его, и рукой не достать, и звонит медленно и непрерывно. Надо встать. Надо дойти до ванной, так, ещё чуть-чуть и горячая вода. И ни о чем не думать, пока не проснусь. Главное не заснуть и помнить, что я совершенно не считаю время в таком состоянии. Теперь надо хотя бы открыть глаза и дойти до чайника. Так, халат, поменьше шуметь и побыстрее двигаться. Что это с дверью? Боже мой, что это тут..."

07:42

— Ой!

— Осторожно, вы наступили мне на руку, а у меня сегодня концерт.

— Что вы тут делаете?

— Пытаюсь не проспать ваш уход.

— Я ещё не настолько проснулась, чтобы понимать происходящее. Будете завтракать?

— Да, кофе. Если можно, покрепче.

— Это ваш завтрак?

— Остальное — на ваше усмотрение.

"День начался бурно. При встрече обязательно кто-нибудь кому-нибудь что-нибудь отдавит. Обязательно. Как же я не выспалась! Кофе, немедленно кофе. И зачем ему это понадобилось? Ох ты, просыпала. Воду пролила. Обожглась! Нет, надо проснуться скорее... Не спи, не спи... Ах ты, убегает, зараза. Проснись, скорее проснись, надо ещё машину вызвать. Опять занято! Сколько можно объяснять, что машина может понадобиться в любой момент. Не уволила водителя, пока работала, надо оставить новым хозяевам одну проблему. Зараза! Отключил телефон".

"Ну и как всё это выглядит с утра? Неловок, но упорен. Хочу добиться своего. И добьюсь, только выпью кофе и пойму, чего хочу добиться на самом деле".

— Кофе готов.

— Спасибо. Ничего, если я вызову машину к половине девятого?

— А вы не могли бы меня подвезти? Я не хочу вести машину сама, а шоферу дозвониться не могу.

— Конечно. Это далеко?

— Нет, минут десять.

— Если не будет пробок?

— Здесь всегда так. Зачем вы встали так рано?

— Хочу пригласить вас на концерт. Не спрашивайте почему, просто хочу, чтоб вы пришли на мой концерт. Послушали и высказали свое мнение.

- Я не уверена, что успею освободиться к семи.
- Я никогда не начинаю вовремя.

"Концерт? Зачем? Что ещё за новости? Всё должно было кончиться вчера. Не до концерта мне. Ещё кофе. Просыпайся и соображай, что теперь делать. Идти? Но это будет слишком явно. Не идти? Решила же не бежать от жизни и брать, что предлагают. Предлагают идти на концерт. Идешь? А ему-то это зачем? Зачем? Я ничего в нем не понимаю — зачем ему всё это? Только если решил уложить меня в койку любыми путями. Не похоже, тогда не надо было про лекарства говорить. Решай уже что-нибудь, а то на работу опоздаешь".

"Интересно, о чём она думает сейчас? Как согласиться или как отказать? Какая странная привычка пристально рассматривать собеседника и молчать. И не улыбаться при этом. Если она думает, что это меня смутит, то она ошибается. Я ведь тоже с удовольствием посмотрю, как она придумывает ответ. Надо обязательно сегодня поиграть перед концертом одному и с ребятами ещё".

- У меня есть одно условие.
- Согласен.
- Вы торопитесь ужасно. Мало ли чего я попрошу взамен?
- Полагаю, самое страшное, что мне грозит — это отправиться на исповедь.
- Нет, хотя вам бы не помешало. Вы сейчас вернетесь в своё кино. И если поймете, что сделали глупость, перезвоните и скажите, что концерт отменяется. Можете ничего не объяснять, после этого просто повесить трубку.
- Тогда мне надо и вам предоставить такую возможность.
- Было бы неплохо.
- Хорошо, я обещаю. Как мне вас найти?
- Придется подарить вам визитку. Куда звонить мне?
- Дайте ручку, я напишу. Если телефон не отвечает, можете перезвонить Филу, он передаст.
- Я пойду собираться, если вы не наелись — кухня в вашем распоряжении.

"Времени осталось чуть-чуть. Не опоздать бы. Ох, в два часа все начнется. Надо одеться соответственно. А на концерт в чем пойду? Захвачу костюм на работу. Отлично, это собрано, телефон, ключи, книжка, косметика. Всё. Из-за чего я так волнуюсь, из-за сделки или концерта? Подождем двух часов, и посмотрим".

- Машина пришла.
- Я готова, только закрою дверь.
- Опять эта сумка?
- Что поделаешь.
- Куда едем?
- Сейчас выезжаем на набережную, прямо до моста и направо. А потом я покажу.
- У вас неприятности? Всё опять идет не так?
- С чего вы взяли?
- Вы очень сосредоточены, ни разу не улыбнулись.

- Да нет, на работе все по плану. Я просто никак не проснусь и ещё раз прокручиваю, что надо сделать.
- Вас уже можно поздравить?
- Ещё нет, только после двух, когда всё будет подписано.
- Теперь куда?
- После моста прямо.
- Ещё не видел здесь ни одной пробки.
- Вам просто повезло. Сейчас лето, уже многие разъехались. Или живут за городом и в это время ещё не доехали до города. Вот здесь остановите, пожалуйста.
- Вы здесь работаете?
- Что, мрачно?
- Очень некрасивое здание.
- К сожалению, да. Вы не забудете позвонить, если что-то изменится?
- Нет. А вы?
- И я. До свидания.
- До свидания. Удачи.

08:47

"Выходи из машины и смотри под ноги, а то ещё рухнешь сейчас. Выпрямись и не отдергивай юбку. Волосы не поправляй! Иди ровно. Вот уже дверь, посмотри на себя, сделай другое выражение лица, улыбайся нормально. Включайся, ну давай же, здоровайся. Лифт, коридор, кабинет. И займись делами".

8:51

"И ушла... А красивая походка, размашистая, но красивая. Вообще, для своего роста она очень хорошо двигается. Уф, ну что, кино снова своё. Отдыхаем. Интересно, какие планы на сегодня, мне надо поиграть обязательно. И город надо посмотреть. Да, времени ещё полно будет. Как быстро доехали, в центре действительно всё рядом. Надо душ принять, переодеться, позвонить Филу... или нет, сначала позвонить, а потом всё остальное".

9:50

"Так, закупаться к фуршету уже уехали. Надо Марине сказать, пусть дозвонится им, чтобы привезли мне клубники и черешни, и колы. А то без фруктов я засну сейчас. Надо будет часов в двенадцать прилечь минут на десять – этого мне хватит. Как хорошо, что я могу вот так добираться по чуть-чуть, а то бы мучалась, как мать – без своих девяти часов за ночь. Все такие взволнованные, здороваются, приглядываются, вдруг что-то случилось. Ну вот, все документы готовы. Сколько здесь экземпляров? Хватает. Марине сказать, пусть обзвонит всех, что пропуска заказаны, ждем к двум. А то мало ли..."

10:21

"Интересно, что бы бабушка сказала о Москве? А жаль, что Саша работает, наверняка она бы показала мне совсем другие места. Там, где она живет, тоже центр, но совсем не такой. Здесь как-то все по-дурацки, то красиво, то вдруг какой-то уродец многоэтажный стоит. Интересно, что она

делает? Если у нее действительно сегодня сделка, вряд ли есть время думать о чем-то другом и звонить мне. А я не хочу звонить. Пусть придет и послушает. Потом и поговорим. Не надо было торопиться, и тогда всё было бы как обычно, то есть по-моему".

11:06

"Прекрати вздрагивать от звонков. Возьми трубку. Вот так, говори спокойно. Это не он. Займись делами, уже одиннадцать. Все как с цепи сорвались, звонят люди, которых не было месяцами. И все сегодня. Позвонит, не позвонит, если ты так волнуешься, позвони и всё отмени сама. Что тебя трясет? Ты не можешь ему нравиться, он не может на тебя запасть. А тебе просто смешно об этом думать всерьёз. Головой же всё понятно, эмоции надо давить. Займись делами, пойдёшь, проверь, всё ли готово".

11:35

"За последний час уже восьмой раз мне интересно, что бы сказала Саша. По любому вопросу. Заболел что ли? Что изменит её мнение, какая разница, что она думает? Я бы еще записывал вопросы, которые надо ей задать. Интересно, как бы она назвала такое состояние? Чего проще позвонить и спросить. Нет, у неё дела. Позвоню, а она воспользуется моментом и откажется прийти. Тем лучше, меньше проблем. Ну нет, а потом мучаться всеми этими вопросами. Лучше всё спросить и успокоиться. Как я всё это спрошу? Сколько времени понадобится, чтобы спросить обо всём этом?"

11:53

"Теперь надо подписать премиальные бумаги, а то потом забуду наверняка. Ещё бы уволить этого шофера. А почему бы нет? Перестань, не до разборок сейчас, напиши просто письмо, что опять были проблемы. Вот теперь можно и вздремнуть чуть-чуть. Марине только сказать, что меня нет, пусть всех отфутболивает. А потом надо будет с Ваней переговорить и Петровичем о последних бумажках. Только ни в коем случае с Ванькой без свидетелей не разговаривать, а то он последнее время совсем без тормозов. Все-таки удивительно, как на мужиков действует отказ, как красная тряпка на быка. Впрочем, на женщин тоже".

11:54

"Теперь я ещё и говорю как она. Надо репетировать, подумать, что бы сыграть такого. Ещё не хватало планировать концерт, чтобы понравиться. Так нельзя, я же никогда не играл, чтобы понравиться. Всегда важное было, чтобы нравилось мне, а остальные в расчёт не принимались. Приятно же, когда хвалят, восторгаются. Мне нужны её восторги? Восторги такого человека с трудом могу себе представить. Надо сказать, наконец, себе правду: я хочу, чтобы она преклонялась передо мной, восхищалась, признала, что я единственный и неповторимый. Ну да, а она говорит, что я мелочный козёл. Она просто берёт меня на слабо. А я веду как мальчик".

12:06

"Как они удачно выбрали площадку для концерта. Стоит закрыть глаза и сразу чёткая картинка. Красиво будет. Не надо туда идти. Смысла нет. А какой смысл мне нужен? Это же просто концерт. Скажи себе, наконец, что надеешься, что всё не просто из-за концерта. Давай, признавайся, ты надеешься, что всё не просто так. Дурочка. Поесть и поговорить, максимум переспать. Вот и весь смысл. Отдай себе хотя бы в этом отчёт. Головой-то я это понимаю. Как же мне не хочется быть опять правой! А придется".

12:07

"Никакой концерт в голову не идет, играть не хочется. И все звонят, а она нет. А разве я хочу, чтобы она позвонила? Она позвонит только чтобы отказаться. Проверять, не передумал ли я, она точно не будет. Не тот случай. А я чем дальше, тем больше боюсь, что она позвонит и откажется. Опять звонок! Нет, не она. Значит, осталось пять часов. Нет, больше, плюс концерт, а потом нормально поговорить тоже времени не будет. А если она уйдет после концерта? Отпускать нельзя. Насильно не заставишь. Точно, нашел себе приключение похлеще, чем девочек снимать".

12:08

"Никак не поймаю слово. Что такое вертится в голове. Что-то очень к нему подходящее. Самоуверенный? Да, но не про то. Успешный? Тоже не то, это как раз очевидно. Равнодушный? Просто ему плевать на всех, кроме себя. Да? Ну не совсем так, он просто уверен, что все будет так, как ему хочется. Что же я ищу? Красивый? Обаятельный? Интересный? Эгоистичный? Все можно сказать, но все не то, есть какое-то слово. Точно! Неприкаянный. Вот он какой, при всем том, что все эти слова верны, это именно то, что приходит в первую очередь в голову. Странно как, неприкаянный, надо же. Ещё бы, конечно, прекрасные и любимые бабушка, родители, брат, они все на своём месте. А самый успешный и великолепный — неприкаянный. Интересно, он сам-то знает, каков он? Что же это такое, вместо того, чтобы спать, думаю о чём попало! Надо поспать минут десять, пока есть возможность".

13:27

"Странное всё-таки она производит впечатление. Жёсткая и решительная, работает на износ и никакой пощады никому. Всё разложено по полкам, никакого беспорядка, любая ситуация под контролем. И с каким надрывом это всё. Причём этот порядок ей подходит, он естественен, но какой кровью он ей дается. Или это мои эмоции? Почему я решил, что все с кровью и с надрывом? Потому что она на таком взводе, что с трудом держит себя в руках. Чтобы руки не дрожали, ей приходится что-нибудь крепко держать. Я же сам её спровоцировал на это. Не надо было её жалеть, надо было довести её до истерики вчера, чтобы посмотреть, что и как у неё в голове. Не надоели истерики? Это чисто научный интерес. Да-да, конечно, рассказывай. Самому не смешно?"

13:42

"Раздвоение личности. Надо сконцентрироваться, а ты думаешь совершенно о другом. Нашла время для личных переживаний. Сейчас

лучше подумать, не забыла ли чего. И вообще, все ерунда. Наляпала сама ошибок, а теперь маешься. Надо было его гнать! Так я и гнала. Как же гнала! Приглашает поужинать — пожалуйста домой. Не хочет уходить, оставляешь ночевать. Приглашает на концерт — идёшь. Дура".

13:59

"Надо позвонить всё-таки. Я играть не смогу, если буду до концерта так психовать. А если она решит, что я звоню все отменить? И что она будет делать? Сначала выслушает или решит отменить всё сама и первая?"

14:02

"Вот все и приехали. Спокойно, собираемся в зале заседаний. Как все нервничают. Ладно, осталось чуть-чуть. Так, бумаги здесь. Всем улыбаться. Что дальше? Подписывают. Как замедленная съемка, голова пустая, передают папки из рук в руки, подпись, ещё, и ещё раз, и следующий экземпляр. Так, это сделано, это тоже. И с этим покончено. Все. Продано. Идиотка, значит, волнуешься из-за концерта. Ладно, иди, поговори с людьми, выпей шампанского".

14:47

— Вы знаете, Александра, должен сказать, что поражаюсь теперь уже бывшим владельцам.

— А в чём дело?

— Как же можно было соглашаться на ваш уход при продаже компании.

— Это было моё условие, да вы бы и сами не захотели меня оставить — всегда лучше поставить своего человека на такое место...

— А почему это было вашим условием?

— Я всегда стараюсь поставить себя на место хозяина. Своё дело можно контролировать, если на ключевых местах ставишь своих людей. Разве нет? Своего, которому доверяешь полностью.

— Вы считаете, что я бы не смог вам доверять?

— Когда я настояла на этом условии, вы ещё не собирались ничего покупать. Просто было понятно, что это будет очень утомительное дело. Я работать люблю хорошо, и поэтому приходится работать много. Хорошо поработав, люблю хорошо отдохнуть.

— И вам совсем не жаль уходить? Не хочется остаться?

— Остаться? Не знаю. Сейчас надо всё-таки сдать хозяйство и отдохнуть. А вы что же, предлагаете мне остаться?

— Почему нет, я внимательно изучил, что и как вы делали. Это очень впечатляет. Что же касается доверия, то это вопрос времени, я думаю. Остальное — предмет переговоров.

— Заманчиво, но я бы вам не советовала так делать.

— Почему?

— Вы покупали это для своих конкретных задач, а я вряд ли гожусь для длительного, стабильного управления. Мой профиль — кризисы, типа продаж.

— Тем более, я же купил. Не хотите заняться моим бизнесом?

— Сейчас? Месяца через три-четыре предлагайте, подумаю. Сейчас, правда, хочется чуть-чуть передохнуть.

— То есть вы ещё не выбрали, чем заниматься дальше?

— Я всё перенесла на октябрь.

— Какие-то личные планы?
— Никаких особых.
— Загадка, почему вы до сих пор не в золотых цепях? Куда смотрят мужчины? Будь я моложе и привлекательней...
— Вот видите. Кто-то говорит "будь я моложе и привлекательней", а кто-то — "будь я умнее и богаче", кто-то — "будь я смелее", а кто-то — "будь я не женат".
— Может быть, я познакомлю вас со своим сыном? Он и молод, и умен, и богат, и не женат.
— Спасибо, я подумаю до октября...

15:24

— Марк, что с тобой происходит?
— Ничего. Не знаю. Объяснить не могу.
— Что случилось-то?
— Я же рассказал тебе. Кроме этого ничего не случилось.
— Так расскажи ещё. Я не понимаю, что ты дёргаешься.
— Я просто разговаривал. И просто пригласил её на концерт.
— Рассказывай сказки кому-нибудь другому. Почему ты тогда кидаешься на телефон? Не репетируешь перед концертом?
— Почему? Потому, что всё идет не так, Фил, всё. Я сам ничего не понимаю. Почему-то я не могу её отпустить. Ты можешь себе представить, чтобы со мной произошла такая история? Я повелся на слова. И чувствую, что ещё не закончил разговор. Я ещё не договорил. И если она не придет, скорее всего, не закончу.
— Так она же придет?
— А если нет, если она уже передумала?
— Позвони и узнай.
— Не могу. Я боюсь, а вдруг она решит, что я звоню отменить концерт и решит выстрелить первой. Не хочу провоцировать отказ.
— Тебя надо лечить. Совсем сумасшедший стал от антибиотиков.
— Отстань, ты видел когда-нибудь, чтоб меня так трясло от разговоров?
— Фантастика! И всего-то сказали, что ты — дешёвка. Могу только вспомнить, что я тебя предупреждал, ты нарвёшься рано или поздно на проблемы.
— Заткнись. Дай телефон
— Выкинуть хочешь?

"Надо на работу позвонить. Интересно послушать, что там происходит. Секретарша спокойная. Сколько можно переводить звонок. А это ещё кто? Голос недоброжелательный явно. Может кто-то из тех упорных козлов вроде меня. Вот, сейчас...."

15:46

— Саша, тебя к телефону.
— Спасибо, Ваня.

"Иди хотя бы ровно, а не беги. В руки что-нибудь возьми, а то пальцы дрожат. Сколько времени? Почти четыре. Ненадолго его хватило. Спокойно, а то сейчас придется с Ванькой объясняться..."

"Мне сегодня точно не до концерта. Не до концерта. Надо принять какое-то решение, а время уходит. Отменить всё? Не хочу. Увидится с ней? Боюсь. Как же я влип. Вернуться в своё кино и обнаружить, что оно потеряло цвет. Или оно всегда такое было?"

- Да?
- Это я.
- Я слушаю.
- Все по старому?
- У меня — да.
- Там много народу, не очень удобно говорить?
- Да.
- Я просто хотел узнать, всё ли в силе.
- У меня, да. Могу я задать аналогичный вопрос?
- Всё по-старому, я просто.... мне бы не хотелось, чтоб вы передумали.
- Пока нет.
- Фил вас встретит перед концертом. Позвоните, когда будете выезжать. Уже понятно что-нибудь со временем?
- Я думаю, где-нибудь минут за пятнадцать до начала.
- Хорошо. Спасибо. Вы удивлены?
- Очень.
- Я тоже, честно говоря. Вы не рассердитесь, если я вам еще позвоню.
- Будет ли это чистый эксперимент с возвращением в своё кино?
- Эксперимент уже провалился, как видите.
- Хорошо, звоните.

15:50

"Все отлично. Теперь репетировать. И съесть что-нибудь".

"Не передумал, странно. С другой стороны, передумать должна была я. Он совсем не похож на голос разума".

- Интересно, кто это тебе звонил?
- Вань, тебе не кажется, что тебя это не касается вообще?
- Я просто спрашиваю. Из любопытства. Незнакомый мужской голос.
- Тебя это не касается.
- Ты с ним куда-то идёшь?
- Ваня, послушай, я ещё раз могу тебе объяснить, по какой причине моя личная жизнь тебя не касается. Потому что она с тобой никак не связана. И не будет.
- Ты уверена?
- Ты прекрасно знаешь, что да.
- А если я разведусь?
- Такие жертвы не стоят того, чтоб быть со мной. Я тебя не хочу.
- Как все стало грубо. Раньше ты мне такого не говорила. Раньше все было так пристойно, что "счастья на чужом несчастье не построить", что "ребёнку нужен отец". А теперь, значит, ты просто не хочешь. И кого же ты хочешь? Я его знаю?
- Ваня, оставь меня в покое.
- Я тебе не верю, ты просто изводишь меня, чтоб довести до предела.

— Мне нечего тебе сказать, если ты так считаешь, разубедить тебя может только одно: когда ты разведешься, я всё равно скажу, что ты мне не нужен. Вот тогда ты будешь полным идиотом: разрушить свою жизнь ради женщины, которая тебя даже не хочет.

— Иногда я готов тебя задушить.

— Тебе это не поможет. И оставь меня в покое, на нас уже смотрят.

16:32

"Наконец, все разъехались. Времени осталось только, чтоб посмотреть почту и переодеться. А может быть заехать домой? Не тащить же все это на концерт. Да, так и сделаю. Если выехать через полчаса, то все успею. Надо только к Петровичу зайти".

— Ну что же, мы все успели до выходных. Теперь три дня отдыхать, а в понедельник начнем передавать дела.

— Да, Василий Петрович. Три дня отдыхать. Удачно вышло, что пятница выходной, а то по такой жаре работать невозможно.

— Да уж. Пойдешь сегодня на концерт? Последнее корпоративное мероприятие все-таки.

— Пойду, наверное.

— С Ваней?

— Нет, я с ним никуда не хожу и сейчас не собираюсь менять привычки.

— Вот и хорошо, я бы расстроился, если бы ты сделала глупость.

— Глупость — это я могу, но не на работе.

— На приём после концерта поедешь?

— Вообще не собиралась. А что за приём?

— Бомонд.

— Вряд ли.

— Смотри сама, приглашение на тебя лежит у секретарей. Так что если передумаешь, будет приятно.

— Приглашение возьму, на всякий случай. А кто устраивает приём?

— Мэр окучивает гостей после концерта, кинофестиваль, культурная столица. Сама понимаешь.

— Я подумаю, спасибо.

— Не увлекайся работой, а то сегодня прямо лица на тебе нет.

— Может, потому и нет, что я не работой увлечена.

— Тогда удачи.

— Спасибо. Знать бы, в чем она, удача.

17:17

"Вот и все. Быстрее домой, всё оставить. Душ принять. Пора переодеваться и ехать. Руки дрожат, даже накраситься не могу. Трясусь как осиновый лист, ладони мокрые, противно. Как хорошо, что я не на машине. С перепуга могла бы въехать в кого-нибудь, чтоб не идти на концерт. Что с тобой, прекрати трусить, это же не операция, не экзамен, это концерт. Ни к чему не обязывает. Кажется, что не обязывает, а трясусь так, как будто от этого зависит всё. Меня знобить теперь будет. Возьми себя в руки. Никто никому ничего не должен. Это просто концерт. Боишься — не ходи. Не ходи, возвращайся домой и забудь. Нет, это называется

бегать от жизни. Лучше пойти, убедиться, что права и с чистой совестью говорить, что я не бегаю от жизни, а беру то, что дают. Как же мне страшно. Надо позвонить, сказать, что скоро буду".

18:12

"Хорошо бы она не пришла. Сам я ни за что не отменю концерт. Если бы она не пришла, все стало бы опять просто. Не пришла – значит не надо. Сам же пригласил, сам решил, что не можешь уйти, сам все решил. И теперь сижу и хочу, чтобы... Чего я хочу-то? Не надо было идти на поводу у человека, который всё делает сложным. Просто повелся, она меня поймала. Банально, обычное кокетство на меня не действует, так подловили на сложности. Ещё есть время, надо позвонить и всё отменить. Надо? Нет, мое кино гораздо менее интересно, чем чужое. Она собиралась звонить, когда будет выезжать. И не звонит. Задерживается? Не приедет? Где она, в конце концов? Может, что-то случилось? Да, здесь всё, что угодно, может случиться. Авария? Где она? Идиот, надо было вчера всё успеть, надо было сегодня утром о чём-то поговорить. О чём? Где она? Телефон. Передумала? Где она? Это она? Выехала, скоро будет".

18:43

— Где вы сейчас?

— Я стою там, где вчера стояла машина....

— Фил вас встретит. Я дал ему ваш телефон, чтоб он не заблудился.

— Могли бы просто ему сказать: "Найди женщину совершенно не в моём вкусе". Что вам пожелать?

— Ничего не надо.

18:52

"Интересно, каков он, этот Фил? Видимо, вот он идёт. Забавно, единство противоположностей. Хорошо хоть роста одинакового, а то было бы совсем смешно, если бы он был невысокий и толстенький. Серьёзный, французский, очкастый шатен, типичный примерный буржуа средних лет".

— Филипп? Здравствуйте.

— Вы Александра?

— Да. Вы удивлены?

— Более чем. Я, конечно, понимал, что здесь должно быть что-то неожиданное, но настолько...

— Я уже в курсе, что совершенно не в его вкусе. Впрочем, он тоже не в моём.

— Пойдёмте, мне надо вас проводить. Тут все близко. Могу только поблагодарить вас за пунктуальность. Марк был настроен не начинать концерт, пока вы не приедете. Вот ваша ложа.

— Здесь больше никого не будет, кроме меня?

— Нет, это наша персональная ложа, на всякий случай.

— Понятно. Привычка приучать подруг к прекрасному.

— Вы с ним тоже так разговариваете?

— С ним ещё хуже. Он же меня пытался снять вчера на две недели.

— Я же не пытался.
— Простите, это я так неловко выражаю сочувствие. По-моему, он вам должен быть, по крайней мере, благодарен.
— Он мне благодарен, но по-своему. Он просил вас задержаться после концерта, если это возможно.
— Хорошо, я подожду.
— Хотелось бы мне знать, что вам от него нужно?
— Я не понимаю вас.
— Я спрашиваю, что вам от него нужно?
— Ничего. Зря вы меня боитесь. Скорее я союзник вам, чем ему. Лучше скажите, что ему нужно от меня?
— Не знаю. Но я его в таком состоянии не видел никогда, хотя знаю давно.
— Может быть, дело не во мне, просто приходит срок, человек понимает что-то новое. И это не связано с конкретными людьми
— Может быть. Главное, чтобы люди понимали, что они тут не при чем и ни на что не рассчитывали.

20:47

"Какой концерт! Нельзя было позволять себе никуда не ходить. Теперь ничего не могу оценить трезво. Потрясающе. Интересно, сколько мне его ждать здесь. Как быстро все уходят. Ой, там уже что-то начинают разбирать, или мне кажется? Ждать еще? Долго? Передумал и не придет. Мог и позвонить. Позвони сама. Нет. Не буду, не хочу. Буду ждать. О, вот уже и выгоняют. Ничего, постою здесь, пока можно, а потом позвоню".

20:48

— Я не могу, она наверняка ушла.
— Слушай, в конце концов, я что, буду тебя уговаривать куда-то пойти? Я всегда прошу тебя не ходить.
— Я знаю. А если её там нет?
— Знаешь, хватит. Лучше ты пойдешь и убедишься, что её там нет, чем не пойдешь и будешь всю жизнь мне нервы трепать, что она ждала, а ты испугался.

"Идти, надо идти и посмотреть. Бежать только не надо, а то ноги можно переломать. Где же она, в ложе её нет. Ушла?"

20:57

— Почему ты здесь?
— Меня выселили, там уже всё начали разбирать.
— Прости. Я задержался. Я должен ехать на приём.
— Да, я что-то слышала. Я тогда поеду домой. Концерт был великолепный, спасибо.
— А могу я попросить тебя поехать со мной?
— На приём? Зачем?
— Опыт по возвращению в своё кино прошел тяжело. Мне бы хотелось сегодня ещё поговорить. Если ты уедешь домой, то я не смогу выбраться с банкета. А так я проведу там максимум час, и поедем опять к тебе. Если можно. Хорошо?
— Там будет много моих знакомых.
— Я тебе просто позвоню, когда можно будет выходить.
— Ты уверен, что всё именно так?

— Я не хочу отпускать тебя сейчас. Я опять буду дергаться, что ты не доехала до дома, что ты передумаешь, решишь мне отказать, что мы не успеем договорить.
— Мы о чем-то не договорили?
— О многом. Не надо, не спрашивай сейчас, у меня совсем нет времени.
— Хорошо. Только я поеду со своими, чтоб у тебя не было проблем.
— Я тебя там найду.

21:12

"Ты идешь за ним как нитка за иголкой. Зачем ему это? Привязывает и не отпускает? Хорошо бы Петрович ещё не уехал. С Ванькой точно не поеду. Телефон отвечает. Отлично, они ещё здесь. Туда мне идти минут пять. Надо что-нибудь нейтральное сказать о концерте. Какая у Петровича всё-таки милая жена. И вдвоём они прекрасно смотрятся".

"Со стороны посмотреть – типичное совращение. Прекрасная идея тащить её на приём и распускать павлиний хвост. Красуюсь. Отпущу — и потом где я буду её ловить? Доигрался, что ещё за новости – привязать хочу?"

21:41

"Какое сборище, надо же, а вот и все наши. Ваня удивлён, опять будет жилы тянуть. Надо его как-нибудь изолировать. Петровича что ли привлечь?"

— Добрый вечер. Хотя мы все уже виделись сегодня.
— Что ты здесь делаешь?
— Вань, води себя прилично, я не могу прийти на приём?
— Тебя не было на концерте.
— Почему же, была.
— Где ты сидела?
— Я опоздала и до вас не дошла.
— Послушай, давай ещё раз попробуем. Я понимаю, ты меня сейчас убьешь, но, пожалуйста, подумай ещё раз. Я уже на всё согласен, на любую твою блажь, но не гони меня. Мы теперь даже не будем вместе работать, теперь тебе это мешать не будет.
— Сейчас в любом случае не время и не место обсуждать наши отношения.
— У тебя кто-то появился. Я это чувствую
— Вань, ты — параноик
— Я не параноик, я просто не понимаю, что тебе нужно. В чём проблема? Раньше мы вместе работали, теперь – нет. Я женат? Так я готов развестись, чтобы тебе ничего не мешало. В конце концов, ты прекрасно знаешь, что там явно что-то не ладится, если я так легко от этого отказываюсь. Если у тебя никого нет, тогда в чём вообще проблема?
— Проблема в том, что ты мне не нужен. Вот и всё.
— Ты врешь! Не может такого быть, ты вела бы себя иначе, если бы я тебе не нравился!
— Можешь убеждать себя, как хочешь. Если ты что-то принял за знаки внимания, ты ошибся. Оставь меня в покое и прекрати этот разговор, на нас уже смотрят.

22:23

"Вот она. Какая кампания вокруг, деньги, бизнес. Это что еще за фрукт? Ничего себе он на неё смотрит. С таким выражением лица можно и убить, и объясниться в любви. Наверняка это он сегодня к телефону подошёл. Надо скорее закругляться и уводить её отсюда. Почему это она не может разговаривать с кем хочет? Потому что меня раздражают эти люди вокруг... Этого она наверняка знает давно. Нет. Она его не хочет, так не хотят. У меня помутнение в мозгу. Может быть, она просто его доводит до кондиции? Глупости, она не умеет кокетничать. Я же видел вчера. Всё, больше не могу. Надо уходить, а то я тут что-нибудь выкину".

22:47

— Фил, мне надо уйти.

— Ты с ума сошёл, тебе надо пообщаться с ними, ты же сам собирался поговорить, посмотреть, что за люди и что за деньги. Такой возможности больше не будет.

— Не могу, мне надо уйти.

— Она же здесь, я её видел, у неё тут полно знакомых. Иди, пообщайся, познакомься с людьми.

— Я не могу, я кого-нибудь прибую по дороге.

— Поговори хотя бы с мэром. Объясни ему, что тебе надо уйти и всё.

"Мэр — нормальный мужик. Всё понял. Главное, не потерять визитку, вдруг понадобится официальная помощь, здесь, говорят, все можно сделать быстро по телефону. Все, надо звонить. Какой у неё голос странный, что-то случилось?"

23:16

— Ну что же, пожалуй, мне пора, день был слишком длинный

— Да рано ещё. Оставайся.

— Да, нет Василий Петрович, на сегодня вполне достаточно, пора.

— Счастливо.

"Как бы так выйти, чтоб мимо Вани пройти незаметно..."

— Кто тебе звонил?

— Ваня, это не твоё дело.

— Моё. Я хочу знать, кто это был?

— Это был не ты, этого вполне достаточно.

— Ты пойдёшь к нему?

— Я еду домой.

— Он едет к тебе домой?

— Ваня, кто "он"? Всем до свидания.

"Нет, он так просто не отвяжется, значит придётся привлечь Петровича".

— Василий Петрович, между нами, если вы считаете, что я правильно не сделала глупость. Задержите Ваню здесь, а то он нарываяется на неприятности.

— Конечно, о чём речь. Вань, кстати, я хотел познакомить тебя с мэром.

"Где же она? Что так долго? Долго – прошло всего пять минут, ей же ещё надо попрощаться со всеми. А мне ещё надо Фила спровадить".

"Спокойно, а то с лестницы навернешься на каблуках. Иди спокойно, вон уже машина ждёт. Интересно, Фил едет с нами?"

23:24

— Я поеду с тобой.

— Зачем, Фил?

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Ну не в машине же.

— Ничего, нас никто не поймёт.

"О, ещё один разговор по-французски... Что ж, если он сам его не разубеждает, пусть так и будет. Послушаем, что происходит".

— Марк, мы знаем друг друга давно, я буду говорить свои обычные банальности, но выслушай меня. Каждый из нас живёт, как считает нужным. Попробуй хотя бы один раз не создавать нам проблем на пустом месте. У тебя была масса разнообразнейших историй с женщинами. Но теперь я не знаю, чего мне ждать, куда стелить солому.

— Чего ты боишься? Я был уверен, что на сей раз ты будешь спокоен. Или нет, я собственно, конечно, ни о чем таком не думал. Что тебя пугает? Я ещё понимаю, что может пугать меня, но об этом я тебе не говорю. Ты-то о чём беспокоишься?

— Я беспокоюсь как всегда об одном и том же. Что ты попадаешь в зависимость от человека, которого вообще не знаешь. Ты вообще не знаешь, к чему это может привести, кто перед тобой. Меня это пугает больше, чем обычно, потому что в тех ситуациях всё было понятно. Тебе нужны женщины как воздух, но ты никогда ни от кого не зависел. Теперь же всё по-другому. Ты о чем-то разговариваешь, обсуждаешь что-то, рассказываешь. Эта ситуация мне незнакома, и я, как всегда — больше, чем всегда — боюсь, что это выйдет боком. Особенно, если окажется, что это не тот человек, с которым тебе стоило откровенничать.

— Ты боишься шантажа? Это мы всё уже проходили.

— Все твои истории шантажом даже не назовёшь. Там тебя нечем было шантажировать, у тебя нет репутации. Что ты ей рассказываешь, я не знаю, но это может дорого стоить.

— Фил, но всё-таки что-то я знаю о людях вообще и о женщинах в частности. Да и ты тоже. Тебе не кажется, что это не тот случай?

— Я не знаю. В этом городе я вообще ничего не знаю, я не понимаю этих людей. Тебя могла поймать дорогая проститутка, шантажистка, ты не знаешь, кто ее окружает. Может, она дочь бандита или любовница убийцы? Ты ничего про неё не знаешь. И, главное, ты первый раз в подобной ситуации. Зная тебя, я могу предположить, что действовать ты будешь непредсказуемо и необычно.

"Да что ж такое! За последние сутки мне удалось выслушать много интересных подробностей о себе. Что вообще происходит? Откуда такой накал? Или я чего-то не знаю, или не понимаю, или не вижу? Совсем

ничего. Что они обсуждают? Какая неприятная ситуация. Слушать всё это и не реагировать. Это совсем не моё дело. Надо дать им поговорить".

— Марк, я тебя прошу как всегда об одном. Постарайся подумать, прежде чем что-нибудь сделать или сказать. Мне трудно себе представить, как мы потом будем от неё отбиваться, когда тебе всё это надоест. А тебе обязательно надоест, ещё не было такого, чтоб тебе не надоела женщина. Или, если ты считаешь, что перед тобой святая, отбиваться от тех, кто за ней стоит.

— Ты — сумасшедший, а не я. Ты ли мне это говоришь? Тебя заботило, кто стоит за твоей женой, когда ты решил, что это единственный человек, с которым ты можешь разговаривать? Тебе было наплевать на всё — на мнение родителей, на друзей, на то, чем она занимается. Ты просто всё понял про себя и неё и сделал, что считал нужным.

— Ты что, хочешь убедить меня в том, что дело зашло так далеко? Или ты используешь запрещенный прием?

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда с тобой это не обсуждал и считал, что это твоё право выбирать свою жизнь. Ну, так позволь и мне делать то же самое.

— Я не заставляю тебя разгребать последствия моих поступков. А разгребать последствия твоих нам приходится вместе. Поэтому теперь я даже готов сказать, что лучше бы тебе удалось сделать из неё шлюху на две недели.

— Фил, я могу долго терпеть то, что ты говоришь, но этого ты больше произносить не будешь. Или мы прекратим говорить вообще.

— Видишь, мы уже почти поругались из-за неё.

— Нет, мы ругаемся, потому что ты пытаешься вести себя так, как будто это твоё кино и твой сюжет. А оно не твоё, оно моё и её. И мне и ей это все впервые, поэтому никто из нас не знает, что будет в следующем кадре.

"Это бред! Этого не может быть. Почему мы с ним по одну сторону? Как это мы вдруг оказываемся союзниками? Я обороняю его от Ваньки, а он защищает меня от своих. Я ничего не понимаю. Или лучше не понимать? С другой стороны Фил — единственный разумный человек со вчерашнего вечера. Надо его чем-нибудь утешить".

— Простите, что я вмешиваюсь, Фил, но я могу вам только повторить, что вы зря считаете меня врагом. Я гораздо больше ваш союзник, чем вы можете себе представить. И если вас это как-то утешит, то вам скорее надо думать не о том, как отбиваться от меня, а как облагородить вашего друга. Если не в моих глазах, то в глазах тех, кто меня любит и ценит. Потому что большей нелепицы, чем наши с ним разговоры, я думаю, им будет трудно представить. И они мне скажут гораздо больше гораздо более жёстких слов о нем, чем те, которые вы говорите сейчас обо мне. И если вас это утешит, могу сказать, что у меня нет любовника, тем более убийцы, мой отец не бандит, я никогда никого не шантажировала. Не вижу пока причин всё это менять.

— Прости, Фил, ты хотел говорить. Я не стал тебе объяснять, что этот язык здесь понятен всем. И кстати, должен тебя предупредить, что я подам ей руку сейчас, чтобы помочь выйти из машины. Это я к тому, что моё обещание не прикасаться к ней даже пальцем, не сказав об этом тебе лично, остается в силе.

— Знаешь, теперь это меня даже пугает. Подозреваю, словами ты сможешь нанести мирозданию более непоправимый ущерб. Вам же, Александра, я могу сказать только одно: может быть мы и не враги, но у меня нет никаких оснований доверять вам.

— Наши мысли полностью совпадают. Мы с вами очень похожи, Фил. Всего хорошего.

"Вот это денек. Почти двенадцать ночи, а всё только начинается. Она, видимо, очень устала, на ней лица нет".

"Кошмар какой-то, как мне плохо, скорей войти домой и сесть. Главное, не сползти сейчас по стенке".

23:49

— Что с тобой, тебе плохо?

— Мне не плохо, из меня выпустили весь воздух, как из воздушного шара. Объясни мне, наконец, что происходит? У меня сегодня не день, а война. Все как с цепи сорвались и пытаются убедить меня в чём-то, а в чём — я не понимаю. И никто не объясняет толком. Что такое случилось, что все видят, а я нет? Чего я не хочу увидеть? Ты понимаешь, что происходит?

— Я могу рассказать только то, что знаю сам. Может быть, это тебе чем-нибудь поможет, может быть — нет. Сам не знаю.

— Говори тогда.

— А кто был тот человек, с которым ты сегодня общалась на приеме?

— Который из них?

— Самый молодой.

— Один из желающих приобрести меня в единоличное пользование. Всю душу из меня сегодня вынул, чтоб узнать, кто мне звонит, и с кем я буду. Это имеет отношение к нашему разговору?

— Не знаю. Спросил. Хотел узнать, почему он на тебя так смотрел.

— Возможно, он понял, что действительно мне не нужен, а это очень обидно понимать.

— Он это сегодня понял?

— Сегодня мне пришлось ему это прямо так и сказать.

— Ты его боишься?

— С чего ты взял? Я боюсь не его, а его упорства. Что он застанет меня врасплох, и я соглашусь на то, что мне совсем не нужно. А почему Фил так хорошо говорит по-русски? Хотя, конечно, не так, как ты.

— У него русская мама, её во время войны угнали в Германию, и она оказалась во французской зоне оккупации. Чудо, что ей удалось там остаться, а потом уехать во Францию. Хотя и возвращаться было особо некуда, ее родителей расстреляли в тридцать седьмом году. А его отец учился вместе с моими родителями. И встретил её, когда проходил необходимую практику в больнице. Мы с детства дружим, я его всегда подбивал на глупости.

— А чем занималась его жена?

— О, это великая история, Примерный французский мальчик, гордость семьи, женился на девочке из эскорт-службы. Скандал был страшный, они думали, что это опять я их познакомил.

— А это не так?

— Нет, тут я чист. Он её от меня скрывал, боялся, я ему или мозги буду прочищать как все или смеяться буду, что он меня всё время учил, а сам тем временем... Я же был так удивлен, что вообще ничего не сказал. Он, такой осмотнительный, — и вдруг такая подружка. Правда, в тот момент мы уже вместе работали, и такой брак не мог испортить ему карьеру. А мне плевать, на ком женат мой директор. К тому же Анн-Мари оказалась ему прекрасной женой. У них четверо детей, типичная французская приличная семья.

— То есть ты его жену никогда шлюхой не называл?

— Ты что! Он бы меня на дуэль вызвал или уволился, что ещё страшнее.

— Забавно. Так что он на меня взъелся? В чём дело?

— Я тебе могу сказать только то, что знаю сам. Сейчас. Скажу. Ты была права. Имеет смысл соглашаться только при условии "всё на всё".

— И что? Я высказала свою точку зрения. Ты подумал и согласился с ней. Ты же не...

— Именно так. Я согласен и предлагаю тебе такую сделку. Всё на всё. Не большое сокровище, но я предлагаю тебе свою жизнь, со всем, что в ней есть. Вот я сам. Моё имя. Что еще входит в это "всё"?

— Кто из нас сошёл с ума? Ты предлагаешь мне всё это через двадцать семь часов после того, как мы встретились. Ты в своём уме?

— Ты говоришь, как Фил.

— Потому, что я такая, как он. Тебе что, никогда такого не говорили, не предлагали менять всё на всё?

— Предположим, нет.

— Тебе почтальон приносит телеграмму, ты же не считаешь, что чем-то ему обязан. Я просто сообщила тебе новость, телевизор тоже так может. Ты же не собираешься отдать ему всё за это. Если ты что-то понял, это не связано с людьми, это лично твоё.

— Ты отказываешься?

— Я не понимаю, что ты мне предлагаешь.

— То, что ты согласна была принять.

— Послушай, это был риторический приём. Я просто демонстрировала тебе абсурдность твоего вчерашнего поведения.

— Глупости, ты сама не веришь в то, что говоришь. Риторические вопросы задают с другим лицом.

— Ты знаешь меня очень мало, и всё равно — неужели ты в состоянии поверить, что такой человек, как я, способен предложить "всё на всё" человеку, которого видит впервые в жизни?

— Ты? Конечно. Только ты и можешь такое предложить.

— Или ты предлагаешь мне это из жалости, что ли?

— Из жалости? Разве тебя есть за что жалеть? По-моему, у тебя все отлично. Все логично, цельно и правильно. Без лишних элементов.

— Ты не понимаешь, что в твоём кино всё это и есть лишний элемент. О нет, только не телефон опять! Да?... Послушай, сколько можно. Ваня, оставь меня в покое!... Ты прекрасно знаешь, что без моего согласия охрана тебя не пропустит... Даже не пытайся, тебя просто сдадут в милицию... Уймись, я больше не хочу об этом говорить... Это всё.

— Что ему нужно?

— Хочет убедиться, что я одна.

— Ему, наоборот, лучше убедиться, что ты не одна. И все проблемы будут решены. О, это уже домашний телефон. Это он?

— Наверное, не знаю.

— Хочешь, я отвечу?

— Хочу, но не стоит.

— Ты ведь хочешь, чтоб он больше не звонил? Или пусть звонит?

— Ой, нет, чем скорее это прекратится, тем лучше.

— Вот и прекратим. Да?... Может быть и не туда. Смотри, кто вам нужен... Саша? Она не может подойти к телефону... Ей что-нибудь передать?... Всего хорошего.

— Он удивился?

— Он был потрясен, мне так показалось. Давай лучше вернемся к нашему разговору.

"Как я упорен, и, главное, как я уверен в том, что поступаю правильно. Все так и должно быть, по-другому я не хочу. Всё ли я ей сказал? Я предлагаю самый рассудочный вариант, а меня обвиняют в безрассудстве. Единственная возможность — это предложить такую сделку. Конечно, она удивлена, я и сам удивлен, что решил все сделать именно так".

"Откуда это всё вдруг, почему? Что же мне теперь делать? Если бы он мне был ещё совершенно не интересен, было бы так просто отказать. А он мне ужасно нравится, и как же это мне мешает согласиться... Это бред! Что вдруг на него нашло? Зачем ему все эти сложности? Это блеф, он просто нашел, как меня поймать. Он врет. Этого не может быть, это всё игра. Зачем так лгать? Можно было просто уйти, отменить концерт, больше не появляться, можно было просто не говорить. Зачем так всё усложнять? А если я соглашусь? Соглашусь? Как можно соглашаться на такое? Легко. Согласиться сейчас проще всего".

00:34

— Что ты молчишь?

— Я пытаюсь себя заставить не верить тебе.

— Зачем тебе это? Можно же просто сказать "нет" и показать на дверь.

— Уже не могу, очень хочется поверить, что ты говоришь правду.

— Ха, чего ради мне лгать? Я тебе уже столько всего сказал, чего говорить не стоило. Лгать теперь — неоправданный риск.

— Не знаю, может всё это спектакль, может, ты решил всё-таки уговорить меня, вот и с Филом разыграл спектакль, может он тебе помогает.

— Ты ненормальная?

— Судя по всему, да. Слушай, ты хоть понимаешь, что тебе грозит, если я приму твои условия?

— Ну, расскажи мне, возможно, я не все ужасы хорошо вижу.

— Если я приму твои условия, то буду считать, что это на всю жизнь. Если ты придешь ко мне через два месяца или три года и скажешь, что передумал, то я не верну тебе ничего — ни жизни, ни тебя, ни твоего имени. Ты этого хочешь? Твой дом будет моим. Я не уйду из него, даже если ты попросишь. Ты собираешься всю жизнь просыпаться рядом со мной?

— Ты меня слишком плохо знаешь, чтоб разубедить. Ты думаешь, я себе всего этого не говорил? Возможно, я тебя плохо знаю, но, мне кажется, отдаю себе отчет, какие последствия могут быть, если я ошибусь сейчас.

— Вот именно. Ещё один довод — ты меня плохо знаешь, а я тебя совсем не знаю. Как можно соглашаться на такое, ещё вчера ты вообще не подозревал о моем существовании!

— Ты слышишь хотя бы, что я тебе говорю? Ты кого так уговариваешь — меня или себя?

— Не знаю, кого получится... Это безумие. Может мне удастся переубедить тебя?

— Ты не сможешь. Я себе все это сегодня уже говорил. И многое другое, потому что я-то себя знаю. И я не смог убедить себя позвонить и отменить концерт, хотя это представлялось мне разумным... Может быть, я не прав, что говорю тебе это сейчас. Но, если я тебе этого не предложу и не выслушаю твой ответ, я сдохну от ужаса, что ты не придешь, больше не появишься, не позвонишь, и я не успею сказать тебе, что я согласен с условиями сделки. Я не знаю, почему твои решили биться, а Фил видимо понимает, что все решено уже и дальнейшее будет зависеть от тебя. Ты что-то вчера говорила про то, что иногда просто видишь, как расходятся дороги и предчувствуешь свой путь. Вот вчера как будто пленки двух фильмов склеились, кино получилось незнакомое совсем, но когда опять разошлись, то стало очевидно, что это уже не то совсем, так больше кино нельзя делать. Цвет не тот, резкость, красота кадра, сцены. В том кино уже делать нечего, все перекочевало в это. Потому я тебе и предлагаю всё и навсегда.

— Но ведь Фил, который знает тебя много лет, он говорит, что у тебя ничего не бывает навсегда, что всё пройдет. Если это кино перестанет нравиться, если опять захочется того, или какого-то другого? Ты хоть понимаешь, что я не соглашусь тебя ни с кем делить? Ты собираешься быть верным? Жить с одной женщиной всю жизнь? Ты добровольно отказываешься от всех и отдаешь мне всё? Ты понимаешь, что я буду распоряжаться тобой по своему усмотрению?

— Да, кажется, понимаю. Сегодня мне пришлось многое понять, пришлось понять, что я тоже не собираюсь тебя не с кем делить.

— А это-то ты как понял?

— Когда увидел, как на тебя смотрит этот твой упорный.

— Это что, ревность?

— Скорее первые проявления собственника, который предлагает купить всё за всё.

"Чем дольше мы говорим, тем меньше у меня сомнений. Всё правильно. Чего ждать? Дед был прав — когда находишь, сомнений не остается. Вот бы ещё понять, как я к ней отношусь? Вот номер — как я отношусь к женщине, на которой собираюсь жениться. Понятия не имею, да мне это и не важно. Какая разница, как всё это называется. Просто должно быть так, а иначе быть не может. Вот и всё".

"У меня нет сил сопротивляться. А я должна сопротивляться! Я должна найти, где здесь пробой. Пока не поздно. И какие у меня аргументы против? Это неразумно. Безрассудно. Опрометчиво. Противоречит здравому смыслу. Я не должна этого делать, как бы мне этого не хотелось. Стоп. Причем здесь это. Дело не в том, хочется мне этого или нет. Нужно просто понять, где мое, а где — нет. Куда мне идти? Вот это развилка... Я, кажется, не смогу ему отказать. Не смогу. Если он говорит правду, то я вынуждена ему доверять. У меня нет никаких оснований ему не верить. И что изменится, если я буду знать его дольше? Гарантий все равно не будет. Глупости, если бы ты знала его дольше, ты бы могла просчитать

вероятность ошибки. Ерунда, чьей ошибки? Его? Он уверен, что все правильно. Моей? Какое отношение ко мне имеет длительность нашего знакомства... Себя-то я знаю давно. Гарантий нет сейчас, их не будет и позже. Но мы будем знать друг друга, хоть чуть-чуть. О чем он думает сейчас? Почему молчит?"

00:51

— Ну что ты опять молчишь, если уж хочешь меня переубедить, так говори еще что-нибудь. Пока ты не придумала ничего такого, чего бы я себе не говорил.

— Это безумие, как мы будем жить?

— Ну, как-то же люди живут вместе.

— Но люди обычно хоть как-то знакомы друг с другом, они что-то знают друг о друге. Почему отреагировал так, а не иначе, что может обидеть, что неприятно, что нравится, что любит есть, что не любит, не знаю, как телефоны записывает. Я там, в машине, не могла тебя за руку схватить, потому что не понимала, как ты к этому отнесешься. Я даже этого не понимаю. А когда наступит момент, когда у нас появится хоть что-то общее, я не знаю что — шутки, ситуации, люди, все что угодно, еда? Как мы будем жить, пока у нас ничего нет?

— Но у нас в запасе уйма времени. За всю жизнь можно многое узнать.

— Будет ли приятно узнавать? Ты готов узнать что-нибудь, что тебе совсем не понравится? Назад-то уже не свернешь. Будешь это все всю жизнь терпеть?

— А ты будешь?

— Это я тебя отговариваю, отвечать тебе.

— Не знаю, мне очень хочется сказать "да", но, возможно, просто чтобы добиться своего. Скажем, я готов искать компромисса, взаимопонимания, я готов к тому, что просто не будет, но если мы в состоянии разговаривать, будучи незнакомы, то, наверное, сможем говорить и дальше. Как я рад, что вчера спросил, хочешь ли ты меня, а то бы сейчас мучился, что ты не знаешь, как мне сказать "нет".

— Но ведь ты-то меня не хочешь.

— Если бы это было так, я бы тебе не предложил провести со мной две недели.

— Я тебе не нравлюсь, этого ты не сможешь отрицать.

— Я не говорил, что ты мне не нравишься, я говорил, что ты не в моем вкусе. Но, с другой стороны, у меня не было никогда желания предлагать что-нибудь подобное женщине в моем вкусе. Ты мне очень нравишься. Настолько, что самый сильный аргумент против этого знаешь что?

— Нет.

— Понимаешь, согласие твое мне нужно сейчас же, сегодня же, я готов договориться с кем угодно, чтоб жениться на тебе как можно быстрее. Но спать вместе мы будем не раньше, чем я закончу пить лекарства. А что если все будет плохо, если тебе будет со мной нехорошо? И что я буду тогда делать? Как я могу жениться на женщине, не переспав с ней ни разу? Вдруг тебе будет плохо со мной?

— А что, были прецеденты?

— Вообще-то нет, но вдруг это очередное исключение из всех правил жизни.

— А наоборот не может быть?

— Что ты мне не понравишься? Ну, это бред даже с научной точки зрения, мужчины довольно примитивны в этом смысле. Нет, меня беспокоило, что тебе будет со мной нехорошо.

— И как же ты себя убедил?

— Твоими словами.

— Это какими же?

— Что, если впереди вся жизнь, то уж конечно мы поймем что и как, чтобы нам было хорошо во всем.

— А почему тебе нужен ответ сейчас? Куда ты торопишься? В конце концов, могу я еще с тобой поговорить просто так?

— Нет, просто так уже не получится, я уже все сказал. И я буду занят во время фестиваля, потом сразу улетаю. А завтра у меня последний свободный день почти до вечера. Можно успеть пожениться и заняться твоими документами. Посольство Франции не откажет мне быстро решить вопрос о твоём гражданстве или что там полагается решать в таких случаях. Я хочу, чтоб ты улетела со мной.

— Я и так лечу во Францию через две недели, мы можем и там поговорить.

— Я не хочу возвращаться домой один.

— Ты же еще недавно был рад этому — никаких истерик, свобода...

— Я и не хочу истерик, я хочу тебя. А вдруг кто-нибудь попытается вернуться, будет упорен, и я от усталости уступлю? Я тоже могу бояться таких вещей, как ты их боишься. Если у меня не будет ответа, если ты не поедешь со мной, вдруг я расслаблюсь на минуту и пропущу нужный поворот. Если это хоть как-то возможно, скажи мне сейчас "да" или "нет".

— Сумасшествие. Бред. Все не так. Ты все обдумал?

— Да.

— Тогда скажи мне, что будет, если я скажу "нет"?

— Я буду добиваться твоего "да".

— А если я скажу "да"?

— Тогда я отдам тебе кольцо.

— Ты что, правда носишь на цепочке обручальное кольцо? Я была уверена, что это выдумки дамских журналов.

— Ношу. Самое смешное, что это действительно очень романтично. Это в семье деда была такая традиция. Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, родители отдавали ему обручальное кольцо. Чтоб было, что надеть в любой момент, когда понадобится. Ситуации разные бывают, деду это очень помогло, когда надо было быстро на бабушке жениться. Революции, войны, мало ли что, а кольцо всегда на месте. Нашел, кольцо ей на палец и женись.

— И ты с тринадцати лет носишь кольцо, и так его ни разу никому и не хотел отдать?

— Почему же бывало, что и хотел. Чаще, конечно, женщины этого хотели. Но родители мои были умны. Когда стало понятно, что женщин в моей жизни будет больше, чем одна, родители и бабушка с дедушкой посадили меня за круглый стол и дед сказал: "Учти, ты свободен гулять, делать что угодно, жениться. Но если ты отдаешь кому-то кольцо, то знай — только эта женщина будет для нас твоей единственной и законной женой. Сколько вы вместе прожили, как расстались, есть ли у вас дети, все это нам будет не важно. Ты должен отвечать за свои поступки, наконец. В нашем доме мы примем только ту, которая носит кольцо". Конечно, после такого я его никому и не предлагал. Оказалось, правильно. Теперь действительно надо, вот есть, что предложить.

— И что дальше?

— Дальше? Ну, я бы позвонил отцу, нам нужен брачный контракт, пусть его пока сделают. Тебе надо только сформулировать свои пожелания. Потом я бы съел чего-нибудь. И позвонил бы вашему мэру.

— А это еще зачем?
— Он сказал, что если понадобится помощь, могу ему звонить.
— Какой ты почетный гость.
— Да нет, просто я ему сказал, что мне надо уйти, чтобы сделать предложение одной даме. Он мне пожелал успеха. Я ему и говорю, что не помешал бы мне успех. Он удивился, с чего бы возникнуть проблемам. Да, говорю, эта может и отказать. А если согласится, то как ее побыстрее заковать, чтоб не сбежала? Ну, он и говорит, заковать не проблема, это можно устроить хоть завтра, если будет согласие. Еще надо бы позвонить Филу и попросить его разрешения поддержать тебя за руку. Так что я все решил уже, теперь дело за тобой.
— Ты слишком торопишься, ты из жизни хочешь сделать кино.
— Наоборот.

"Все наоборот. А если она действительно откажет? Невозможно, это совершенно невозможно. Но предположим, и что делать? Значит, нужно будет определить срок, через который мы сможем вернуться к этому разговору. Завтра, послезавтра, все равно. Я должен ее переубедить. И я должен добиться согласия. Все решено. Можно сказать, все кончено".

"Я не могу. Я не могу ему отказать. Он меня бросит? Но я сделала все, что могла, я все ему объяснила. Если он меня бросит, то это уже будут его проблемы".

01:21

— Ты все решил? Уверен?
— Да.
— Тогда так. Ты сейчас расскажешь мне о себе все, что может меня шокировать. Все, в чем тебя обвиняли когда-нибудь те, кого ты бросал. Все самое отвратительное, что ты о себе знаешь. Я тебе тоже
— Зачем?
— Чтоб представлять себе, с чем придется жить всю жизнь. Хоть чуть-чуть, но понять.
— Зачем тебе это?
— Чего ты боишься? Если я проведу с тобой всю жизнь, то все равно рано или поздно об этом узнаю – так расскажи мне сам. Если ты все решил, какая разница, что ты от меня услышишь? Ты все равно собираешься с этим жить.
— Ну, так скажи "да" и все узнаешь.
— Расскажи мне все, и я смогу сказать "да".
— А если ты испугаешься после моего рассказа?
— А если испугаешься ты после моего? Тебе отступить уже некуда – ты сказал, что все решил.
— Я не знаю, что тебя может шокировать.
— Расскажи о том, что шокирует других и тебя самого.
— Я не хочу.
— Я не могу иначе.
— Ладно. Смотри, не пожалей. Не раз и не два мне говорили: ты — эгоистичный мерзавец, который высасывает из людей все, что ему интересно и потом оставшееся выкидывает как кожуру. Люди нужны мне для того, чтобы из них делать то, что мне

интересно – музыку, кино. Их переживания и чувства сами по себе мне неинтересны. Только моя семья не подвергалась подобным экспериментам. Довольна?

— Это все?

— Теперь ты мне что-нибудь скажи.

— Если ты не дай Бог будешь мне изменять, я никогда и виду не подам, что знаю об этом. Все будут уверены, что я самая верная и преданная жена. Но я отомщу тебе. Я изничтожу тебя. Я убью тебя, и никто не узнает, что это моих рук дело. Ты будешь умирать медленно и мучительно. А я буду наслаждаться каждым днем твоих страданий. Если ты обманешь меня. Мне наплевать на все слова о свободе, удовольствиях, о том, что это ничего не значит. Я ставлю тебя в известность сейчас, что этого я тебе не собираюсь прощать. Хочешь жить со мной — учти, тебе придется быть верным. Доволен?

— Это я уже знаю. Дальше. Мне наплевать, что обо мне думают другие. Мне это неважно. Я делаю то, что считаю нужным и важным. И мне плевать, как мои поступки оценивают другие. Например, я прекрасно отношусь к наркотикам и не отказываю себе в удовольствии их принимать, когда мне хочется. Правда мне нечасто хочется, но все равно. Марихуана, кокаин, кислота – все это прекрасно. И я не собираюсь от этого отказываться.

— Это меня не шокирует, но раздражает. Я не собираюсь рожать детей. Я этого не хочу, и вряд ли ты сможешь меня переубедить. Совершенно не вижу смысла в подобных экспериментах. Вот так.

— У нас обязательно будет не меньше двух детей. И, кстати, я ненавижу просыпаться рядом с кем-либо. Я всегда ухожу спать один и просыпаюсь один. Я никогда никого не приводил жить в свой дом. У меня были только гости. Некоторые были гостями годами. Но никогда никто со мной не жил, и я никогда ни с кем не просыпался рядом.

— Я не могу спать одна. Я много работаю и довожу себя до состояния выжатого лимона, чтобы засыпать без снотворного. И я не собираюсь спать одна.

— Я готов попробовать изменить своим привычкам и просыпаться рядом с тобой. Ненавижу порядок, люблю, когда все разбросано, когда можно часами искать нужную вещь и находить кучу интересного, потерянного давным-давно.

— Ненавижу беспорядок, пыль, кучу ненужных вещей. Все, что не нужно, должно быть выкинуто.

— Люблю уезжать и никому не говорить где я, куда и насколько уехал.

— Отлично, я тоже люблю так уезжать.

— Э нет, я должен знать, где ты и куда я могу вернуться, когда захочу.

— Это я должна знать, куда могу вернуться.

— Последнее слово всегда остается за мной. Ты можешь высказывать свое мнение, но решение за мной.

— С какой стати?

— Потому, что я — мужчина, а ты — женщина. Больше, кажется, нечего сказать. Наверное, я что-то забыл, но уже и не важно, можно догадаться.

— И что, ты считаешь, это нормально? Как, по-твоему, мы будем жить?

— У нас не так много разногласий. Ты хорошо понимаешь, что может меня шокировать?

— О, да, кажется, понимаю. Я тебя шокировала детьми?

— Это возмутительно.

— Как есть. Можешь быть уверен, я не собираюсь жить с наркоманом.

— Я не наркоман, мне просто иногда это приятно.

— Мне наплевать, выбор такой — или — или.
— Ты же знаешь, это запрещено.
— Можешь уйти прямо сейчас, если недоволен.
— Не дожدهшься. У нас будут дети. И я не буду развлекаться с наркотиками. Ты не будешь изводить меня чистотой и порядком, я согласен просыпаться рядом с тобой. Ты не будешь уезжать неизвестно куда и я, так и быть, тоже. Последнее слово остается за мной. Все очень просто. Такой компромисс тебя устроит? Ты получила, что хотела, теперь ты можешь решить?
— Как можно в здравом уме соглашаться на такое!
— На какое? Что тебя не устраивает? Ты же этого хотела, не чего-нибудь другого? Ты хотела именно такой сделки — все на все. И что тебя теперь не устраивает? Не тот человек? Не ангел с крыльями? Ты что же думала, что существуют идеальные люди? Или все это был только повод, чтоб никогда ни на что не соглашаться, сидеть одной и топиться в работе? Так что ли? Вот то, о чем ты просила — оказывается, тебе это не нужно!

"Когда он успел так меня изучить? Тут и изучать нечего. Конечно, два дня назад такое было для меня несбыточной сказкой. И вот я сижу и не знаю, что делать. Прямо анекдот: "Боже, пошли мне мужа. Ой, нет, только не такого!" Что не выбери, все страшно. А не надо было страдать, что никто не соглашается на такую сделку. Вот смотри, согласен и ждет ответа. На что тут смотреть, все же и так понятно. Все ясно. Себя уж мне точно не обмануть, все ясно".

"Молчит и смотрит. И в глазах ужас. Как кожу снимает и рассматривает внутренности. И ничего хорошего не видит. Видимо, все-таки, нет? Нет? Ни за что, она не может! Конечно, не может, она хочет сказать мне "да". Она почти его сказала, она призналась, что пытается уговорить себя отказать. Она не может сказать "нет". Очень даже может. Она же вчера отказала. Вчера мы еще не были знакомы, вчера было сто лет назад. Посмотри, какой ужас в глазах. Она просто боится моей реакции на отказ. Вот почему все так долго. Неужели? Все, теперь, кажется, все... Мне хватит уже молчания на сегодня... "

— Я хочу жизни с тобой.
— Это невыносимо.
— Почему?
— Потому, что я согласна.

"И все? Так просто?"
"И все. Как просто..."